

ISSN 2365-6091

Международный фонд правовых исследований
«Аспекты права»

Ежемесячный научный журнал

№ 2 / 2014

Редактор — д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич
Ученый секретарь — д.ю.н. Пигалова Елена Викторовна

Бушков Дмитрий Романович
Костюк Александр Валерьевич
Мартынов Константин Андреевич
Минчук Денис Геннадьевич
Миролимжонов Мирсаид Мирзохид угли
Терехина Ирина Юрьевна
Тотрашвили Давид Ивериевич
Тукфатуллина Мадина Фаритовна
Тян Вероника Сергеевна
Хакимов Артем Сергеевич
Черкасова Мария Викторовна

Ответственный редактор
д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: почтовый индекс 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13

Адрес электронной почты: info@aspect-law.ru

Адрес веб-сайта: <http://aspect-law.ru/>

Международные индексы:

Редактор — д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич
Ученый секретарь — д.ю.н. Пигалова Елена Викторовна

Бушков Дмитрий Романович
Костюк Александр Валерьевич
Мартынов Константин Андреевич
Минчук Денис Геннадьевич
Миролимжонов Мирсаид Мирзохид угли
Терехина Ирина Юрьевна
Тотрашвили Давид Ивериевич
Тукфатуллина Мадина Фаритовна
Тян Вероника Сергеевна
Хакимов Артем Сергеевич
Черкасова Мария Викторовна

Художник: Бахрушева Антонина Васильевна

Верстка: Семенко Антон Владимирович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель и издатель **Международный фонд правовых исследований «Аспекты права»**

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

<i>Елесина М.В., Рашкеева И.В., Магомадов М.А.</i> ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ 5	РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В АКЦИОНЕРНОМ ОБЩЕСТВЕ 8
<i>Ковтуненко О.А.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА СТАБИЛЬНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО СОГЛАШЕНИЮ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА 6	<i>Пестрикова А.А.</i> ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЧАСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 13
<i>Мазо М.А.</i> ФИДУЦИАРНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ КАК ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ	<i>Рябченко А.Н.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 17
	<i>Щербачева Л.В.</i> ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ОСНОВЕ СВОБОДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЛИЦЕНЗИЙ 20

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Ферапонтова Е.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СУДОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 24	<i>Попов А.П.</i> ПОНЯТИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ. ЕЁ МЕСТО СРЕДИ ЭЛЕМЕНТОВ ЦЕЛЕУКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ . 28
--	---

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Жадан В.Н.</i> К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 31

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Виноградова О.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ
ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ
СПОРАХ..... 35

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

Канунникова Л.В.

ГРАЖДАНСКИЕ ИСКИ, ВЫТЕКАЮЩИЕ
ИЗ СПОРОВ О КАЧЕСТВЕ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ, ОКАЗАННЫХ
ГРАЖДАНАМ В СВЕТЕ НОВОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ
ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН РФ..... 40

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Ивлева А.Ф.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 45

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Пучкова В.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВА ГРАЖДАН
НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: ПУТИ ИХ
РЕШЕНИЯ..... 48

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Нахова Е.А.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПО
ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 51

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Елесина Мария Владимировна

Заместитель председателя научного студенческого общества по организации участия в научных мероприятиях факультета «Государственное и муниципальное управление» ФГОБУ ВПО Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Рашкеева Ирина Владимировна

Магистр факультета «Государственное и муниципальное управление» ФГОБУ ВПО Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Магомедов Магомед Адланович

Бакалавр факультета «Государственное и муниципальное управление» ФГОБУ ВПО Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

STATE CONTROL EFFECTIVENESS OF PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CAPITAL COMMERCIAL ORGANIZATIONS

Elesina Maria Vladimirovna, Deputy Chairman of the Scientific Student Society of the faculty "State and municipal management" FGOBU HPE Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Rashkeeva Irina Vladimirovna, Masters degree in "State and municipal management" FGOBU HPE Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Magomed Magomadov Adlanovich, Bachelor of faculty "State and municipal management" FGOBU HPE Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Аннотация

Изучение вопросов организации контроля эффективности использования различных объектов государственной собственности, в том числе эффективность участия Российской Федерации в условиях капитальных коммерческих организаций. Теоретическую и методическую базу работы составили учебная и учебно-методическая литература, законодательные и иные нормативные акты, регулирующие вопросы управления государственной собственностью, в том числе вопросы организации контроля за эффективностью её использования, статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Несмотря на масштабную приватизацию, осуществленную в нашей стране после распада СССР и создание института частной собственности на средства производства, сегодня в России по-прежнему крупнейшим собственником остается государство, которое через механизмы управления принадлежащей ему собственностью имеет возможность оказывать значительное влияние на национальное хозяйство и систему экономических отношений.

Abstract

Study questions the effectiveness of the organization control the use of various state-owned facilities, including the effectiveness of the Russian Federation in terms of capital of commercial organizations. Theoretical and methodological basis of the part of educational and teaching literature, law and other regulations governing the management of state property, including the organization of monitoring the effectiveness of its use, the statistical data of the Federal State Statistics Service. Despite the large-scale privatization, undertaken in our country after the collapse of the USSR and the creation of the institution of private ownership of the means of production, in today's Russia is still the largest owner is the government, which, through the mechanisms of control of his property has a significant influence on the national economy and the economic system relationship.

Ключевые слова: собственность, контроль эффективности, капитальные коммерческие организации, показатель эффективности.

Keywords: ownership, control effectiveness, capital profit organizations, the rate of effectiveness.

Применяемые Счетной палатой методы контроля за эффективностью управления пакетами акций, долями (паями) РФ в уставных капиталах хозяйственных обществ и товариществ зависят от степени участия государства. При этом выделяются хозяйственные общества и товарищества с долей участия государства 100%, с долей участия государства более 50% , с долей участия от 25% до 50%, с долей участия менее 25% и с использованием специального права «золотая акция»[1,С.650].

Данный вид контроля включает в себя:

- экспертизу учредительных и уставных документов;
- контроль за изменениями уставов и уставных капиталов;
- анализ ведения реестра акционеров;
- контроль за деятельностью представителей государства в органах управления;
- контроль за эффективностью и целесообразностью учредительской деятельности и кредитной политики;
- оценку текущего финансового состояния АО по результатам анализа финансовой отчетности, расшифровок к ней, справок и других материалов, представляемых руководителями предприятий и представителями РФ в органах управления акционерных общества;
- оценку эффективности использования имущества предприятиями;
- контроль за выполнением утверждаемых федеральными органами исполнительной власти показателей экономической эффективности деятельности АО;
- контроль за распределением прибыли, начислением и перечислением дивидендов на государственную долю участия в федеральный бюджет;
- внесение предложений по совершенствованию управления АО, о реорганизации предприятий, их ликвидации или продаже пакетов акций.

Особое внимание уделяется контролю за эффективностью и целесообразностью деятельности дочерних и зависимых общества, в том числе передаче активов головного общества на их баланс, внеконкурсным переоформлением лицензий на недропользование, формированием и распределением прибыли, начислением и перечислением дивидендов на долю участия головного общества.

Одним из показателей эффективности управления пакетами акций, находящимися в государственной собственности, является обеспечение поступлений дивидендов по этим пакетам акций в бюджет.

Согласно «Отчету об исполнении консолидированного бюджета российской федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов»[2] в 2009 году поступления во все уровни бюджетной системы России в виде прибыли, приходящейся на доли в уставных (складочных) капиталах хозяйственных товариществ и обществ, или дивидендов по акциям, принадлежащим Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям составили 16,14 млрд. рублей, в том числе в федеральный бюджет – 10,1 млрд. руб.

Одним из механизмов увеличения поступлений дивидендов в бюджет является обеспечение контроля за учредительской деятельностью и распределением прибыли дочерних, зависимых и иных аффилированных компаний с долей участия государства в их уставном капитале.

Список литературы:

1. Управление государственной собственностью: Учебник / Под ред. д. э. н. проф. В.И. Кошкина. М.: ЭКМОС, 2002. С. 650.
2. Официальный сайт Федерального казначейства. См. раздел «Информация об исполнении бюджетов» [Сайт]URL: <http://www.roskazna.ru/>

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА СТАБИЛЬНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО СОГЛАШЕНИЮ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Ковтуненко Ольга Александровна

*Аспирантка кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белорусского Государственного Экономического Университета, г. Минск*

*IMPLEMENTATION OF STABILITY PERFORMANCE MAINTENANCE OBLIGATION UNDER THE AGREEMENT ALIMONY IN THE CONTEXT OF CIVIL RIGHTS**Kovtunenka Olga, Graduate student of the Department of Civil Law Disciplines Belarus State Economic University, Minsk**АННОТАЦИЯ**Целью данной статьи является раскрытие понятия и значения принципа стабильности исполнения обязательств по соглашению об уплате алиментов в контексте гражданского права**ABSTRACT**The purpose of this article is to reveal the ideas and values of the principle of the stability of the performance of obligations under the agreement on the payment of child support in the context of civil rights**Ключевые слова: гражданское право, алиментные обязательства, принцип стабильности**Keywords: civil law, alimony obligations, the principle of stability*

Исполнение алиментных обязательств – это результат, к которому добросовестные стремятся достичь стороны соглашения об уплате алиментов, согласно цели предусмотренной правовой сущностью самого обязательства.

Исполнение алиментных обязательств по соглашению об уплате алиментов представляет собой определенный процесс, составляющий из выполнения субъективных прав и обязанностей сторон. Исполнение алиментных обязательств тесно связано с содержанием условий соглашения об уплате алиментов, состояния субъектов и возможность исполнения каждого конкретного обязательства ответчика.

Применение принципа стабильности исполнения алиментных обязательств по соглашению об уплате алиментов в контексте гражданского права предполагает наличие следующих правовых составляющих: 1) недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства; 2) стабильность и неизменность принимаемого обязательства в одностороннем порядке по соглашению. Если иные условия не предусмотрены самим соглашением или законом.

Действие принципа стабильности алиментных обязательств закреплено в ст. 291 ГК Республики Беларусь, состоит в том, что, по общему правилу односторонний отказ от исполнения обязательств недопустим, стабильность договорных обязательств содержит в себе постоянство, а именно – недопустимость его одностороннего изменения, вне зависимости от того, установлены ли права и обязанности сторон законом, соглашением сторон либо односторонним правомерным действием одной из них [2]. Право на односторонний отказ от исполнения алиментных обязательств или одностороннее изменение условий соглашения может предоставляться одному из его участников только в случаях, установленных законом, но не соглашением сторон. Возможность одностороннего отказа от исполнения

алиментного обязательства предусматривается нормами гражданского права для одной из сторон в договорном обязательстве вследствие допущенного другой стороной существенного нарушения условий соглашения (ст. 420 ГК Республики Беларусь), под которым понимается нарушение условий договора, которое повлекло за собой существенный ущерб для другой стороны [1].

Под значительным ущербом понимается то, что исполнитель в значительной мере лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении договора. В иных случаях возможность одностороннего отказа не зависит от правонарушения и связывается либо с существенным изменением обстоятельств, при которых стороны заключили договор (ст. 421 ГК Республики Беларусь), либо с изменением содержания соответствующего обязательства. Например, беспрепятственный отказ от исполнения соглашения вследствие доверительного характера данной сделки. Также, получатель алиментов может отказаться от принятия исполнения обязательств (уплата алиментов), простив долг, если только это не нарушает прав других лиц в отношении имущества другой стороны договора (ст. 385 ГК Республики Беларусь). Принцип стабильности установлен нормами ст. 376 «Просрочка должника» обязывает должника исполнить алиментные обязательства, а именно – плательщик алиментов не вправе отказаться от исполнения лежащей на нем обязанности, а получатель алиментов – от принятия предложенного ему надлежащего исполнения. Если были обнаружены подобные нарушения сторонами соглашения об уплате алиментов, то вступают в действие установленные нормативными правовыми актами санкции. Например, возмещение убытков просрочившей стороной (ст. 14 ГК Республики Беларусь) [1].

Значительно уже круг оснований, по которым закон допускает изменение по воле одной из сторон условий исполнения обязательства. Они сводятся,

по существу, лишь к случаям, когда одна из сторон исполнила свои обязанности ненадлежащим образом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь, утвержденный Палатой представителей Республики Беларусь 07.12.1998 г. № 218-З (ред. от 11.07.2014) // КонсультантПлюс: Беларусь [Электрон. ресурс]/ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Мн., 2014.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.01.2012 г. с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2013 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

ФИДУЦИАРНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В АКЦИОНЕРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Мазо Мария Александровна

Аспирант кафедры предпринимательского права

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург

FIDUCIARY DUTIES OF MANAGERS AS LEGAL SCHEME TO REGULATE CONFLICT OF INTEREST IN JOINT-STOCK COMPANIES

Mazo Maria, Aspirant of business law department, Ural State Law University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию фидуциарных обязанностей управляющих акционерного общества. Автором выделены основные виды указанных обязанностей, проанализировано их содержание и особенности применения в целях регулирования конфликта интересов в акционерном обществе.

ABSTRACT

The article is dedicated to fiduciary duties of managers in joint-stock companies. The author proposes classifications of such duties, analyzes their nature and certain specifics of their application in respect of regulating conflict of interests in joint-stock companies.

Ключевые слова: фидуциарная обязанность, конфликт интересов, акционерное общество.

Keywords : fiduciary duty, conflict of interests, joint-stock company.

Между обществом и лицом, входящим в органы управления акционерного общества, возникают гражданско-правовые отношения. В рамках указанных правоотношений управляющие (директор, члены правления совета директоров) наделяются специальной компетенцией, в соответствии с которой у них возникает обязанность (и они получают право) совершать действия, направленные на удовлетворение интересов акционерного общества.

Управляющий при этом, совершая действия, направленные на удовлетворение чужого интереса с одной стороны, с другой стороны имеет и свой собственный интерес. В связи с наличием у лица более чем одного интереса, в целях удовлетворения которого он действует, потенциально может возникнуть противоречие, коллизия между интересом субъекта

и интересами лица, чьими действиями удовлетворяется интерес субъекта, именуемая в литературе – конфликт интересов [1, с. 120 - 130.].

Именно это и обуславливает необходимость при правовой регламентации данных отношений установить в их содержании особые обязанности, иногда именуемые в литературе «фидуциарные». Эти обязанности устанавливаются в целях обеспечения надлежащей реализации и защиты общекорпоративного интереса.

Разновидностями фидуциарной обязанности в зарубежном праве являются обязанность лояльности по отношению к фидуциару (англ. «duty of loyalty»), обязанность должной осмотрительности (англ. «duty of care»). Содержание этих обязанно-

стей применительно к акционерному обществу достаточно хорошо разработано. В германском праве указанные обязанности конкретизируются в ряде запретов, устанавливаемых в отношении членов органов управления акционерным обществом, таких как запрет конкуренции, запрет на использование должностного положения в собственных целях и др.) [2]. К фидуциарным обязанностям директоров компании в английском праве относятся, например, обязанность действовать добросовестно (англ. «good faith»), обязанность использовать полномочия с надлежащей целью, запрет на извлечение личной прибыли [3]. Американское право устанавливает в отношении директоров компании обязанности абсолютной лояльности (англ. «finest loyalty») и исключительной добросовестности (англ. «extreme fidelity») [4].

В российском корпоративном праве, несмотря на отсутствие в законе термина «фидуциарные обязанности», существует три разновидности обязанностей, сходных с ними по содержанию. Это обязанности действовать, во-первых, в интересах юридического лица, во-вторых, добросовестно и, в третьих, разумно (ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ, далее по тексту – Гражданский Кодекс; ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ, далее по тексту – Закон об акционерных обществах). Первые две из названных обязанностей напрямую направлены на предотвращение и регулирование конфликта интересов при его возникновении. Обязанность разумности в данном контексте может быть использована лишь subsidiarily.

Отличие от большинства иностранных правопорядков в отечественном законодательстве (ни в Законе об акционерных обществах, ни в Гражданском кодексе) данные обязанности не получили дальнейшей конкретизации. Как указывает В.В. Долинская, п.3. ст. 53 Гражданского кодекса – «это одно из немногих позитивных требований законодателя к руководителю, которое конкретизируется в основаниях возлагаемой на него ответственности, локальных нормативных актах и трудовом договоре» [5, с.22]. Факт наличия или отсутствия добросовестности, разумности и соблюдения интересов общества подлежит установлению судом в каждом конкретном случае.

Такой «общий» способ закрепления фидуциарных обязанностей без их конкретизации неоднозначно оценивается в научной литературе. Ряд авторов видит в нем недостаток правового регулирования, в связи с тем, что на текущий момент в науке

нет единого устоявшегося мнения относительно существования рассматриваемых обязанностей ни в историческом, ни в сравнительно-правовом аспекте [6, с. 11]. Другие ученые напротив считают указанный способ закрепления фидуциарных обязанностей вполне допустимым и, более того, единственно приемлемым в условиях развитых предпринимательских отношений, разнообразные элементы которых невозможно полностью зарегламентировать [7].

Действительно, отчасти такой подход отечественного законодателя объясняется тем, что члены органов управления наделяются хоть и ограниченной, но достаточно пространной компетенцией, в рамках которой они действуют по своему усмотрению. Еще Г. Шершеневич указывал, что «они стоят во главе торгового предприятия, управляют им на самых широких основах полномочия, и потому они не могут быть освобождены от ответственности за вред, причиняемый ими товариществу своим небрежным, невнимательным отношением к его делам» [8, с. 425]. В связи с обозначенной широтой полномочий представляется весьма затруднительным на законодательном уровне дать четкую, применимую в любых ситуациях, расшифровку того, что значит действовать в интересах общества, добросовестно и разумно. В то же время минимальные ориентиры в определении содержания фидуциарных обязанностей общего характера все-таки должны быть закреплены в соответствующем законодательстве, в противном случае складывается ситуация, при которой такие ориентиры должны будут быть выработаны судами, что зачастую (как будет показано далее) приводит к тому, что судебные органы выполняют не свойственную им функцию и, по сути, создают новые нормы права.

Заметим, что попытки закрепить некоторые критерии добросовестности и разумности действий менеджмента на законодательном уровне все же предпринимались. Так, в 2010 году Правительством Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» [9]. Однако на текущий момент данный законопроект так и не принят. Кроме того, отдельные разъяснения касательно содержания обозначенных обязанностей, носящие рекомендательный характер, содержатся в Кодексе корпоративного поведения [10]. Также некоторые общие подходы к определению добросовестности и разумности действий управляющих были выработаны на уровне судебной практики [11].

В связи с тем, что в последнее время рассматриваемая тема приобрела особую актуальность, значительно возросло количество споров, связанных с нарушением менеджерами фидуциарных обязанностей, которые они несут по отношению к управляемому ими юридическому лицу, Пленумом Высшего Арбитражного суда 30 июля 2013 года было принято постановление № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее по тексту – Постановление № 62). В данном документе частично нашли отражение положения указанного ранее законопроекта, Кодекса корпоративного поведения, а также подходы, выработанные на уровне отдельных судебных решений.

Рассмотрим содержание фидуциарных обязанностей, направленных на регулирование конфликта интересов.

Обязанность действовать в интересах акционерного общества представляет собой ключевую гражданско-правовую регулятивную конструкцию в контексте темы настоящей работы и предполагает, что поведение членов органов управления не может быть направлено на удовлетворение их личных интересов или интересов третьих лиц, это означает, что, в частности, члены органов управления в своих действиях не должны допускать конфликта интересов [12], а в случае его возникновения они должны руководствоваться исключительно корпоративным интересом. Посредством именно этой конструкции устанавливается принцип приоритета корпоративного интереса. При первом приближении может показаться, что установление такого «приоритета» интереса акционерного общества перед личным интересом лица его реализующего является в определенной степени изъятием из принципа юридического равенства. Однако такое изъятие представляется необходимым и обоснованным. Оно направлено на выравнивание положения акционерного общества как субъекта гражданского права, в связи с тем, что последнее, ввиду производного характера интереса, не обладает возможностью непосредственной его реализации, а стало быть, с этой точки зрения, находится в заведомо неравноценном положении по отношению к физическому лицу, как субъекту гражданского права.

Конкретизацией обязанности действовать в интересах юридического лица является запрет на использование предпринимательских возможностей компании (англ. *corporate opportunity*). Эта юридическая конструкция широко используется в зарубежном праве и направлена на регулирование кон-

фликта интересов. Согласно доктрине о неприсвоении предпринимательских возможностей корпорации управляющий не может использовать в личных целях любую бизнес-возможность, которая потенциально может принести выгоду компании. К сожалению, отечественным законодателем данная конструкция в отношении акционерных обществ пока не используется, в том смысле, что подобный запрет не регламентируется отдельно. Примечательно, однако, что запрет на использование возможностей компании устанавливается законом «О некоммерческих организациях», в соответствии с положениями которого заинтересованные лица обязаны соблюдать интересы некоммерческой организации, прежде всего, в отношении целей ее деятельности, и не должны использовать возможности некоммерческой организации или допускать их использование в иных целях, помимо предусмотренных учредительными документами некоммерческой организации [13].

Добросовестность как категория гражданского права может пониматься в субъективном и объективном смыслах. Добросовестность в субъективном смысле представляет собой незнание лицом обстоятельств, препятствующих приобретению им права. Такая добросовестность предоставляет защиту субъекту гражданского права в тех случаях, когда требование к данному субъекту основано на обстоятельствах, о которых он не знал и не должен был знать (виндикационный иск, иск о признании сделки недействительной и пр.). В объективном смысле добросовестность может быть понята как честность в отношениях между субъектами гражданского права, ожидаемая от среднего участниками гражданского оборота в сходных обстоятельствах. Недавно приобретшая официальный статус принципа права, добросовестность в объективном смысле имеет общегражданское значение. И.Б. Новицкий писал: «добрая совесть (*bona fides*, *Treu und Glauben*, etc.), по этимологическому смыслу, таит в себе такие элементы как: знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении.» [14, с.65].

Отдельный учет и конкретизацию данный принцип, прежде всего, получает в рамках обязательственного и корпоративного права. В частности, в корпоративных правоотношениях добросовестность представляет собой одну из основных фиду-

циарных обязанностей лиц, осуществляющих функции (входящих в состав) органов управления акционерного общества.

В связи с тем, что в законе данная обязанность никак не конкретизирована, в литературе существуют различные точки зрения относительно ее содержания.

М.Ф. Лукьяненко указывает, что критерием добросовестности действий руководителя может быть соответствие принимаемых решений законодательным установлениям. Нарушение таких установлений свидетельствует о противоправности поведения лиц, осуществляющих управление делами общества. Также добросовестность предполагает сбор и надлежащее изучение всей необходимой информации; учет хозяйственных целей и коммерческого интереса организации [15].

В.П. Мозолин и А.П. Юденков, указывают что, будучи добросовестным, лицо обязано не только не нарушать обязанности, возложенные на него законом или уставом, но и вести бизнес оптимальным способом, а также контролировать исполнение решений органов управления обществом [16, с. 327].

А.А. Маковская указывает, что добросовестность и разумность применительно к руководителю акционерного общества состоят, во-первых, в соблюдении норм, направленных на регулирование деятельности общества, во-вторых, правил, установленных законом для самого руководителя [17, с.360].

В Постановлении №62 содержания обязанности действовать добросовестно определяется через описание такого поведения, которое является недобросовестным. В частности, действия директора считаются недобросовестными, если он: действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки; скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица, либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки; совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица; и т.п.). Пленум предлагает ряд наиболее распространенных ситуаций (презумпций недобросовестности), при которых на директора перекладывается бремя доказывания отсутствия нарушения обязанностей действовать в интересах юридического лица. Такие ситуации формируют некий

стандарт поведения руководителя, с одной стороны, облегчающий задачу по доказыванию нарушения директором возложенных на него обязанностей, с другой - дающий директору более четкое понимание того, что от него требуется [18].

В контексте темы настоящего исследования интерес представляет то, что Пленум прямо упоминает конфликт интересов как один из факторов, указывающих на недобросовестное поведение субъекта конфликта интересов. Отметим, что и до принятия Постановления №62 наличие конфликта интересов при привлечении к ответственности членов органов управления являлось своего рода «катализатором». Особенно показательным примером в данном случае может служить нашумевшее дело Кировского завода, в решении по которому Высший арбитражный суд РФ указал, что действия с потенциальным конфликтом интересов не позволяют применять к ответчику презумпцию разумности и добросовестности. Также указанное судебное решение содержит важный вывод о том, что управляющие основных обществ могут быть привлечены к ответственности за неправомерное действия не только в отношении основного общества, но и в отношении дочерних обществ [19].

Мы видим, что в Постановлении №62 недобросовестное поведение, определяется, в частности, путем указания на те ситуации, в которых управляющий действует в условиях конфликта интересов или знает о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечают интересам юридического лица. Это означает, что в содержание понятия добросовестности действий менеджера, помимо прочего, включается и обязанность действовать в интересах общества.

Подобное понимание соотношения содержания обязанности действовать добросовестности и обязанности действовать в интересах общества можно встретить и в научной литературе. В частности, М.Ф. Лукьяненко указывает, что критерием для квалификации действий руководителя в качестве недобросовестных помимо прочего является совершение действий в интересах третьих лиц в ущерб интересам общества [20].

Такое пересечение содержания обязанностей действовать в интересах юридического лица и обязанности действовать добросовестно вызывает отрицательное отношение некоторых авторов. Так, А.В. Габов пишет «действия, совершенные при отсутствии конфликта интересов, квалифицируются судебной практикой как действия добросовестные. То есть само правило содержит повтор: в первой ча-

сти оно обязывает действовать в интересах организации прямо, а во второй части (через использование слова «добросовестность») оно обязывает действовать в интересах организации косвенно. При этом первая часть правила (о действиях в интересах организации), в сущности, становится едва ли не лишней (хотя рассуждения о том, что такое интерес организации, могут быть содержательными, мы все же полагаем, что добросовестность охватывает действия в интересах организации)».

Согласиться с критической оценкой такого законодательного повтора довольно трудно, хотя бы потому, что, как указывалось ранее, содержание понятия «добросовестность» на законодательном уровне не раскрывается, и потому (пусть и дополнительное с учетом разъяснений судов), но указание на то, в чьих интересах должен действовать управляющий, едва ли можно считать излишним. Указанная норма решает важнейшую задачу, а именно устанавливает четкий приоритет корпоративного интереса над личными интересами лиц его реализующих; ведь если в отношении субъекта конфликта интересов прямо не установлена обязанность действовать в интересах акционерного общества, он не может ее нарушить, а, стало быть, не будет и ответственным за такое нарушение. Более того, данный автор, критикуя излишнее дублирование, ранее указывает как на недостаток на то, что действующим законодательством не определены четкие границы дозволенного поведения: «описание таких границ осуществляется путем использования «каучуковых» категорий, которые всякий раз требуют толкования судом» [21].

Итак, мы можем сделать вывод о том, что установление в отношении управляющих акционерного общества особых «фидуциарные» обязанности общего характера представляет собой основную гражданско-правовую конструкцию, направленную на регулирование конфликта интересов. В условиях значительных дискреционных возможностей субъектов конфликта интересов такие обязанности призваны при реализации корпоративного интереса обеспечить его соблюдение.

Литература:

1. См. об этом подробнее: Мазо М.А. Конфликт интересов в акционерном обществе: понятие, виды, гражданско-правовые конструкции регулирования // Российский юридический журнал. 2014. N 2. С. 120 – 130.
2. Хопт К. Представление интересов и конфликты интересов в современном акционерном, банковском и профессиональном праве

- (к догматике современного правового регулирования ведения чужих дел) // Вестник гражданского права. 2008. N 2 // СПС КонсультантПлюс.
3. Беневоленская З.Э. Фидуциарные обязательства директора компании по английскому праву. Журнал российского права, 2006. № 4 // СПС КонсультантПлюс.
 4. Агламазова В.В. Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России. Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2012. № 1. // СПС КонсультантПлюс.
 5. Долинская В.В. Доктрина баланса корпоративных интересов. // Российская юстиция № 2, 2006. Издательство «Юридический мир». С.22.
 6. Микрюков В.А. Вопросы ограничения гражданских прав принципом добросовестности // Законодательство. 2013. №1. С 11.
 7. Лукьяненко М.Ф. «Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность». М.,2010. // СПС КонсультантПлюс.
 8. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права Т. 1: Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 425.
 9. Проект Федерального закона N 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 05.10.2010) // <http://client.consultant.ru/B70DFC30D9880601066FB69DF45FD5F7/doc/>.
 10. Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» (вместе с Кодексом корпоративного поведения от 05.04.2002) // Вестник ФКЦБ России. 2002. N 4.
 11. См. например: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.10.2010 по делу N А45-26588/2009; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 14.02.2008 N А19-11027/07-Ф02-218/08 по делу N А19-11027/07; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.07.2011 по делу N А17-3605/2010; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 29.07.2011 по делу N А17-3605/2010; Постановление ФАС

- Уральского округа от 05.02.2013 N Ф09-11680/12 по делу N А50-7090/2012.
12. И.В. Шиткина. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных «Хозяйство и право», 2013 год, №3. // СПС КонсультантПлюс.
 13. П.2. ст. 27 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 145.
 14. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. N 1. С. 65.
 15. Лукьяненко М.Ф. «Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность». М., 2010. // СПС КонсультантПлюс.
 16. Мозолин В.П., Юденков А.П. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах». М.: Норма, 2002. С. 327.
 17. Маковская А.А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: Сб. статей. М., 2006. С. 360.
 18. Кузнецов А.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». // СПС КонсультантПлюс.
 19. И.В. Шиткина. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных «Хозяйство и право», 2013 год, №3. // СПС КонсультантПлюс.
 20. Лукьяненко М.Ф. «Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность». М., 2010. // СПС КонсультантПлюс.
 21. Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц. // СПС КонсультантПлюс.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЧАСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Пестрикова Анастасия Александровна
Кандидат юридических наук
Самарская Гуманитарная Академия
г. Самара

OWNERSHIP OF A HUMAN BODY AND ITS PARTS

Pestrikova Anastasia, Candidate of science, Samara Academy of humanities, Samara

Аннотация

Статья рассматривает проблемные вопросы признания права собственности (квазисобственности) на тело человека и его части, представлены примеры судебной практики некоторых стран Европы и США, а также проведен анализ биоматериала человека с точки зрения объекта гражданских прав.

Abstract

The article considers the problematic issues of recognition of ownership of the human body and its parts, gives some examples of judicial practice in some countries of Europe and the United States, and analyses of human biological material as an object of civil rights.

Ключевые слова: биомедицина, биоматериал человека, трансплантация органов и тканей, донорство.

Keywords: biomedicine, biomaterial, organ and tissue transplantation, donation, ownership of the human body.

Все чаще в юридической литературе можно встретить понятие «соматические права человека» [10, С. 45]. Судебные органы развитых стран активно рассматривают дела, связанные с реализацией и защитой прав на тело и его составные части, включая и право собственности. В сентябре 2014 года в РФ был представлен законопроект о необходимости

указывать в основных документах гражданина согласие совершеннолетнего лица на изъятие его органов или тканей для трансплантации.

Вопросы биомедицины и биоэтики тесным образом связаны именно с правовой постановкой

проблемы, необходимо четкое, детальное урегулирование вопросов, связанных с оборотом биоматериала человека.

В качестве основных законодательных актов Российской Федерации, в которых встречаются нормы правового регулирования биологических объектов, можно назвать Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» и другие нормативно-правовые акты.

Уже несколько лет рассматривается законопроект о биомедицинских клеточных технологиях, обсуждение которого стало предметом многочисленных дискуссий среди ученых различных сфер деятельности. Биомедицинские клеточные технологии являются инновационными технологиями, с помощью данных технологий возможна разработка лекарственных препаратов и новых методик по лечению социально-значимых заболеваний, и что немаловажно, неизлечимых на сегодняшний день. На сегодняшний день применение этих технологий носит экспериментальный характер, поэтому необходимо очень четко определить порядок их использования с целью обеспечения, как национальной безопасности, так и здоровья населения.

Очевидно, что на современном этапе необходимо создавать четкую концептуальную систему законодательного регулирования оборота биоматериала человека. В первую очередь хотелось бы затронуть аспект возможности участия биоматериала в гражданском обороте, а это предполагает наделение данных объектов характеристиками в качестве объектов гражданских прав и рассмотрение их в свете вещно-правовой концепции.

Гражданский кодекс РФ определяет, что к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага (ст. 128). Категория «имущество» является комплексной и не только юридической, в отечественном праве данное понятие используется многими отраслями, однако само легальное определение имущества отсутствует, что создает широкие возможности для док-

тринального толкования, а кроме того, для включения в данную категорию некоторых новых видов имущества, возникающих в современных условиях развития общества и экономики. Поэтому категория имущество в настоящее время все же чаще толкуется расширительно, чтобы обеспечить правовое регулирование новых объектов гражданского оборота. Как представляется, категорию имущество вряд ли можно расценивать как статичную, что еще раз подчеркивает верный подход законодателя не определять данное понятие посредством четкой дефиниции.

Таким образом, как отмечают некоторые авторы, имущество - собирательная категория, охватывающая различные имущественные блага, объединенные общими родовыми признаками [7, С. 22]: экономическое содержание и имущественно-стоимостный характер, передаваемость, как способность отделяться от обладателя объекта и функционировать в обороте, предметная целостность и предметная завершенность.

Появление новых объектов гражданских прав требует определения их специфики и особенностей правового режима, чтобы определить место в системе объектов и дальнейшего правового регулирования либо путем аналогии закона и права, либо путем создания особого правового режима.

Определенные трудности в современной практике создают все чаще включающиеся в оборот «вещи» - биологический материал человека (сюда можно отнести кровь и ее компоненты, клетки, органы и ткани, эмбрионы, и что немаловажно в связи со стремительным развитием биологических и медицинских наук и биотехнологий – искусственный биоматериал). Поэтому определение правового режима данных вещей представляется актуальной задачей для национального и международного права.

Категория «вещь» достаточно широко изучена в юридической литературе, выделяют следующие признаки вещи: материальность, телесность, доступность для обладания (независимое от человека существование вещи), способность удовлетворять те или иные потребности людей, то есть быть полезной, ценной [7, С. 48]. Однако указанные признаки вещи нельзя абсолютизировать, ведь праву известны «бестелесные» вещи, поэтому гораздо важнее определить правовой режим таких новых «вещей» как биоматериал человека, а также определить способы защиты прав на них.

Представляется необходимым определить специфические признаки биоматериала человека для того, чтобы обозначить их правовой режим и

возможность отнесения к объектам гражданских прав. Кроме того, закон должен определять правовой режим не только трансплантатов, а любого биоматериала, причем принципы правового регулирования должны быть единообразны, но с учетом специфики таких «вещей».

В качестве определяющих признаков можно выделить:

- Причина отделения клетки, ткани, органа от тела человека (естественное отделение, в результате оказания медицинской помощи, добровольное согласие на отделение);
- Момент такого отделения (при жизни или после смерти человека);
- Цель дальнейшего использования биоматериала;
- Принадлежность к субъекту (обезличен биоматериал или есть указание и сведения о доноре (владельце));
- Восполнимость или невозполнимость органа, ткани, клеток;
- Оборотоспособность;
- Возмездность или безвозмездность передачи биоматериала.

Уже традиционным можно признать существующее в юридической доктрине разделение позиций относительно статуса биоматериала: части человека не являются вещами; представляют собой личные неимущественные блага, участвующие в отношениях донорства и трансплантации; являются ограниченными в обороте вещами [8, С. 151-153].

С точки зрения М.Н. Малеиной, гражданин при жизни имеет право собственности на собственное тело и неотделенные от него органы и ткани и может осуществлять правомочия по владению, пользованию и распоряжению, поскольку телесная оболочка неотделима от человека при жизни. А вот после смерти – это объекты материального мира, а, следовательно, относятся к вещам [9, С. 13]. *В то время как известный специалист в области права Margaret Jane Radin, отрицает возможность признания права собственности на человеческое тело и его части [6].*

Активное вовлечение биоматериала в оборот уже при жизни человека говорит о том, что все-таки какие-то отношения собственности (пусть и не в общепризнанном ключе и специфические) уже возникают, что подтверждается судебной практикой некоторых европейских стран и США. Если отрицать возможность существования права собственности

(квазисобственности) на человеческое тело (биоматериал), то каким образом тогда объяснить возможность оборота биоматериала (пусть и ограниченного и только целевого, безвозмездного и т.п.). Это не решает проблемы правового режима.

В определенных случаях необходимо рассматривать человеческое тело и биологический материал как объект гражданских прав, а значит признавать определенные вещные права. К таким выводам приходит американский суд в деле *Colavito v. New York Organ Donor Network (Colavito III)* [3], указывая, что человеку могут принадлежать определенные ограниченные права по распоряжению своим телом и его частями, схожие с правом собственности, но не в коммерческих целях. В указанном деле *Colavito* нуждаясь в пересадке почки, получил направленное донирование от своего близкого друга, который умер. Правая почка была направлена для пересадки, но оказалось, что она повреждена, был направлен запрос на получение левой почки. Однако оказалось, что она уже была пересажена другому реципиенту. Кроме того, как выяснилось, обе почки не подходили *Colavito* по биологической совместимости. Он предъявил иск о возмещении ущерба, поскольку полагал, что ему перешло право собственности на обе почки. Дело прошло несколько инстанций, и в конечном итоге в иске было отказано, но по причине не отказа в признании права собственности, а потому что почки были несовместимы и не могли быть пересажены в любом случае. Таким образом, дело стало обсуждаемым именно по причине хоть и косвенного, но признания права собственности на тело и его части [5, С. 17].

Конечно, чаще всего споры происходят по поводу делимого биологического материала, связанного с воспроизводством человека (сперма, яйцеклетки), но это не значит, что дальнейшее развитие медицины не приведет к расширению данной категории делимого биоматериала. Так в деле *J.C.M. v. A.N.A. о праве собственности на сперму после развода супругов*, суд признал, что биологический материал – объект права собственности, что нарушило длительное молчание в столь специфической сфере и дало начало развитию теории квазисобственности на биологический материал человека, тело и его части [2].

Довольно часто суды различают именно возмездность и цель использования биоматериала в качестве основания для признания или отрицания права собственности (например, продажа органов в исследовательских целях, в том числе посмертно).

Недавнее разбирательство в Белфорде опять подчеркивает важность легального урегулирования

проблем, связанных с правом распоряжения телом и его частями. *Laura Ashworth умерла в возрасте 21 года от астмы, ее мать 39-летняя Rachel Leake, страдающая сахарным диабетом и почечной недостаточностью и подключенная к искусственной почке, заявила о своем праве на почку умершей дочери. По ее словам дочь неоднократно говорила о своем желании отдать почку матери, но не успела подать официальную заявку в NHS Organ Donor Register о своем намерении, хотя и являлась членом данной организации, собирающей сведения о донорах. Поэтому в NHS Organ Donor Register отказали матери в предоставлении донорского материала, и почка была пересажена другому пациенту [1]. Кроме того, как было указано, именно организация решает, кто лучший донор и больше нуждается в пересадке. Этот случай имел большой общественный резонанс в 2010 году и поставил перед обществом, судом и правом многие неразрешенные проблемы.*

Таким образом, встает вопрос о возможности распоряжения своим телом при жизни, в том числе целенаправленного распоряжения конкретному человеку, но после смерти – решение принимается компетентными органами, по крайней мере, в Англии дело обстоит именно так. Но в таком случае не совсем понятно, право собственности на тело не признается, поэтому человек не может быть объектом кражи, но в то же время можно распорядиться своим телом на случай смерти: погребение или кремация, этот и многие другие вопросы поднимаются в исследованиях английских правоведов [1].

В 2010 году Англия поддерживает решение о возможности направленного донирования, если донор или его родственники настаивают на пересадке конкретному реципиенту. Однако право закрепляет принцип, что пока донор не даст официального безусловного согласия, ни один орган не может быть изъят и любое условие со стороны донора должно рассматриваться как отказ от согласия [5, С. 7].

Human Tissue Authority (HTA), организация, которая занимается регистрацией доноров и трансплантацией в Англии различает три типа донорства: направленное донорство определенному реципиенту, с которым донор состоит в родственной или иной связи, направленное донорство неизвестному реципиенту в обмен на получение органа для реципиента, известного донору (например, передача донором органа для получения органа для трансплантации своему родственнику) – это тоже вид направленного донорства и, наконец, ненаправленное донорство любому реципиенту. Причем, по стати-

стике, из 961 случая передачи органа живыми донорами только 15 были ненаправленным донорством [5, С. 9-10].

Antonia J Cronin and David Price поднимают и еще один вопрос, неужели Rachel Leake была не права, думая, что ее дочь предпочла бы передать свою почку именно своей матери, а не другому донору? [5, С. 11] Конечно, система трансплантации органов и тканей должна строиться на справедливых началах и быть максимально прозрачной, но если донорство органов представляет собой определенный дар, то почему нельзя использовать свое право целенаправленно, а значит, приобрести хоть и ограниченное, но все-таки права по распоряжению своим телом и его частями как при жизни, так и после смерти?

Стремительное развитие биомедицины в ближайшее время может поставить перед обществом и правом и еще одну пока неразрешимую проблему: право собственности на ДНК. Уникальность генетического материала трудно отрицать, тем более, что многие заболевания имеют генетическую предрасположенность, а значит, исследования ДНК будут востребованы. Сдавая анализы человек может стать невольным донором генетического материала, исследования которого могут принести в том числе и коммерческую пользу (например, создание лекарств). Можно и нужно ли защищать генетический материал, признавать право собственности, а значит и право свободного распоряжения?

Известное дело Мура [4] по использованию его удаленной селезенки для создания лекарства, стало уже классическим, а значит, возможность предъявления требований о получении части прибыли от продажи лекарств, дает основание полагать, что определенные права собственности на тело и его части все же существуют и требуют своего легального определения и закрепления.

В деле *Yearworth v North Bristol NHS Trust* группа истцов обратилась в суд с требованием о возмещении вреда здоровью, поскольку в результате небрежного хранения их сперма стала непригодной для использования, в то время как истцы были подвергнуты химиотерапии и это был последний здоровый образец генного материала [5, С. 12]. Суд не признал данное повреждение в качестве вреда здоровью, поскольку это отделяемые биоматериалы. Поэтому суд вынес решение о возмещении ущерба по обязательству, возникшему из договора с клиникой о хранении спермы, а не о причинении вреда здоровью.

Тело или его части могут быть объектами права собственности, если приложен труд или определенные усилия, например, приготовление медицинских препаратов в учебных целях (дело *R v Kelly*) [5, С. 12]. Суд особое внимание уделил и цели использования украденных частей тела (трансплантация, получение ДНК). Поэтому основываясь на указанных выводах, в деле *Yearworth v North Bristol NHS Trust*, суд пришел к выводу, что извлечение спермы не требует специальных навыков и применения врачебных усилий, поэтому право собственности возникнуть не может и не будет защищено.

Правовое регулирование указанных объектов является актуальной задачей и требует скорейшего решения, отечественное законодательство в этой области носит фрагментарный характер и не содержит концептуального подхода. Хотя необходимость развития данной области современной науки в качестве приоритетного направления была озвучена В.В. Путиным еще в 2008 году. Отсутствие четкого правового регулирования приводит к негативным последствиям, как к торможению развития отрасли, так и незаконному обороту таких объектов, которые имеют высокую ценность, в том числе и с точки зрения их экономической стоимости.

Список литературы:

1. Antonia J Cronin and David Price. Directed organ donation: is the donor the owner? // <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/>
2. Christine J. Duhaime. Who owns your body parts? // Duhaime Law. 2012 // <http://www.duhaimelaw.com/>
3. Colleran Erin. My body, his property?: Prescribing a framework to determine ownership interest in directly donated human organs // Volume 80, N 4, 2007.
4. *Moore v. Regents of the University of California*. См. по: Human tissue ethical and legal issue. // http://www.who.int/ethics/en/ETH_Nuffield_human_tissue.
5. Shaun D. Pattison. Directed donation and ownership of human organs // *Legal studies*, 31 (3). P. 392-410.
6. Swati Rao. Right to property: ownership issue of human organs // <http://papers.ssrn.com/>
7. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. – М., 2010. – 200 с.
8. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. – 431 с.
9. Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объект права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. – С. 13-20.
10. Новоселова А.В. Правовое положение эмбриона в России: исторический анализ и современная действительность // *Образование и право*. № 8. 2013. – С. 44-52.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рябченко Алина Николаевна

*Аспирант Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
г. Минск*

ESTABLISHING THE INSTITUTION OF A TRADE SECRET IN THE REPUBLIC OF BELARUS

*Ryabchenko Alina Nikolaevna, Graduate student of the National Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus, Minsk*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является изучение становления института коммерческой тайны в Беларуси с помощью историко-правового и сравнительно-правового методов исследования. В результате предполагается выделить этапы нормативного становления института коммерческой тайны в Беларуси.

ABSTRACT

The aim of the article is to study the formation of the Institute of trade secrets in Belarus using historical and legal and relatively research methods. The result is supposed to allocate regulatory steps of establishing the institution of a trade secret in Belarus.

Ключевые слова: коммерческая тайна; законодательство о коммерческой тайне; конфиденциальная информация.

Keywords: trade secrets; legislation of trade secrets; confidential information.

История становления института коммерческой тайны имеет глубокие корни, ведь тайна присутствовала на всех стадиях развития человеческого общества. Однако точно определить момент ее зарождения вряд ли представляется возможным. В литературе отмечается, что предпосылки правового регулирования отношений по поводу конфиденциальной информации впервые возникли в период расцвета Римской империи. Так, в римском частном праве защита была предоставлена только сведениям, составляющим тайну завещания. Иные конфиденциальные сведения (например, судебные формулы, секреты ремесла и коммерческих дел) не признавались объектами, нуждающимися в правовой охране [4, с. 216, 255].

Нормативно-правовая база Беларуси развивалась в контексте законодательства Российской империи и СССР. Это связано с тем, что территория Беларуси на различных этапах исторического развития входила в состав этих государств.

В период средневековья сохранение секретов промысла широко применялось цеховыми производственными организациями, гильдиями купцов и индивидуальными ремесленниками для обеспечения своих хозяйственных интересов. Регулировались эти отношения обычаями и цеховыми традициями, обеспечивались моральными, а не правовыми запретами [2, с. 24].

Далее защита коммерческой тайны обеспечивалась в основном с помощью норм уголовного права.

В России впервые нормы о защите коммерческой тайны появились в ст. 1626 Установления Уголовного 1845 года. Позднее данная норма была детализирована в ст. 1173, 1187, 1192, 1193 Уложения о Наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Устанавливалась уголовная ответственность служащих промышленных торговых предприятий (купеческих приказчиков, сидельцев, лиц, принятых на обучение), иногда – служащих кредитных учреждений и должностных лиц публичных учреждений, получивших доступ к тайне в силу служебного положения, за разглашение "содержимого в тайне средства, употребляемого для изготовления чего-либо", а также за "открытие тайны торговых книг", причинившее "явный вреду хозяина подрыв" [5, с. 16-17].

В начале XX века российская правовая наука рассматривала кражу коммерческих секретов как одну из форм недобросовестной конкуренции. Так В.В. Розенберг писал, что "признание разглашения торговой тайны средством недобросовестной конкуренции – это новый шаг в развитии института" [6, с. 9].

Развитие идей об имущественно-правовом характере отношений по коммерческой тайне обусловило признание секретов "правильной и выгодной фабрикаций изделий" самостоятельным объектом передачи по гражданским договорам, активом и нематериальным элементом имущества предприятия. Эти идеи получили закрепление в ряде актов российского законодательства: Устава Торгового 1903 года, Устава о Промышленности фабрично-заводской и ремесленной 1893 года, Устава судопроизводства Торгового 1903 года [7, с. 17]. Также Уголовное Уложение 1903 года включало в себя целую главу, посвященную ответственности за разглашение тайны фабричной, коммерческой и кредитной [5, с. 20].

Налаженная в правовом отношении система защиты производственной и коммерческой тайны царской России и обеспечивавшие ее законы были отменены в связи с принятием Советской властью Положения о рабочем контроле от 14 (27) ноября 1917 года. Согласно данному Положению "для выборных представителей органов Рабочего Контроля должны быть открыты все книги и документы, а равно все склады и запасы материалов, орудий и продуктов без всякого изъятия. Виновные в умышленном сокрытии запасов и подделке отчетов и пр. караются конфискацией всего имущества и тюрьмой до пяти лет" [1, с. 135]. Фактически коммерческая тайна была отменена.

Внутри страны в условиях плановой экономики конкуренции существовать не могло, государство сталкивалось с конкуренцией только во внешнеторговых отношениях. Информация, представлявшая во внешнеторговых отношениях преимущество СССР как торговому партнеру, защищалась уже в качестве государственной или ведомственной тайны и подпадала под их правовой режим, что вело к излишнему засекречиванию и, как следствие, к значительным потерям для государства. Как указывает Р.Б.Иванченко, "трансформировавшись в государственные, коммерческие секреты достаточно

надежно охранялись уголовно-правовыми средствами" [3, с. 46].

Непосредственно в отечественном праве понятие коммерческой тайны было закреплено в Законе Республики Беларусь от 14.12.1990 № 462-ХІІ "О предприятиях", который утратил силу в 2004 году. Данный Закон содержал отдельную главу (стст. 96 - 98), посвященную коммерческой тайне предприятия. В соответствии со ст. 96 указанного законодательного акта под коммерческой тайной предприятия понимались не являющиеся государственными секретами сведения, связанные с производством, технологической информацией, управлением, финансами и другой деятельностью предприятия, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб его интересам.

Последующее развитие законодательства о коммерческой тайне связано с принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 06.11.1992 № 670, утвердившего Положение о коммерческой тайне. Данное Положение содержало дефиницию коммерческой тайны, а также закрепило перечень сведений, которые не могут ее составлять, предоставило руководителю субъекта хозяйствования право определять содержание, объем информации, составляющей коммерческую тайну, и порядок ее защиты.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 (далее - ГК) были закреплены отдельные нормы, связанные с охраной коммерческой тайны. Так, охраняемая информация названа в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, а в ст. 140 ГК перечислены условия охраны информации в качестве коммерческой или служебной тайны. Нормы, устанавливающие правовой режим нераскрытой информации (в том числе секреты производства (ноу-хау)), были включены в раздел V "Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)". Но, несмотря на вышеуказанное нормативное регулирование отношений в сфере коммерческой тайны, субъекты хозяйствования не могли в полной мере защищать свои права в области коммерческой тайны. С целью решить данную проблему был принят Закон Республики Беларусь от 05.01.2013 № 16-3 "О коммерческой тайне" (далее - Закон), а также постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2013 № 432, которым признавалось утратившим силу вышеуказанное Положение о коммерческой тайне.

Законом комплексно регулирует отношения, связанные с охраной информации, составляющей

коммерческую тайну. В Законе определены критерии охраноспособности информации, составляющей коммерческую тайну, уточнен перечень сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, а также урегулированы отношения владельца коммерческой тайны с его контрагентами и др. Кроме того, Закон вносит изменения в систему объектов гражданских прав, а именно: вместо охраняемой информации таким объектом признается нераскрытая информация. При этом нераскрытая информация исключается из числа объектов интеллектуальной собственности. В то же время секреты производства (ноу-хау), как разновидность нераскрытой информации, сохранены в числе объектов интеллектуальной собственности, однако определено, что интересы владельца ноу-хау будут обеспечиваться за счет охраны в режиме коммерческой тайны, а не за счет признания за ним исключительного права.

Отметим, что законодательная практика постсоветских государств пошла по пути принятия специальных законодательных актов, посвященных охране коммерческой тайны (например, соответствующие законы были приняты Российской Федерации, Азербайджанской Республике, Республике Молдова).

Исходя из вышесказанного можно выделить следующие этапы нормативного становления института коммерческой тайны в Беларуси:

1. дореволюционный период (XIX век – ноябрь 1917 года), характеризующийся тем, что коммерческая тайна защищалась преимущественно уголовно-правовыми средствами;

2. советский период (ноябрь 1917 года – 1990 год), в течение которого отмечается упадок коммерческой тайны, отмечается тенденция к построению системы защиты государственных секретов;

3. постсоветский период (1990 год – по настоящее время), в течение которого происходит становление и развитие института коммерческой тайны в рамках гражданского права Республики Беларусь.

Список литературы

1. Валк С.Н., Ахапкин Ю.А., Покровский А.С. [и др.]; под общ. ред. Г.Д.Обичкина. Декреты Советской власти: сборник: в 2 т. / - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 1: 25 октября 1917 г. - 16 марта 1918 г.
2. Гуляева Н.С. Коммерческая тайна в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовое исследование законодательства РФ, зарубежных стран и международно-правового

- регулирования: дис. ... канд. юрид.наук. – Москва, 2002.
3. Иванченко Р.Б. Уголовно-правовые методы защиты коммерческой, налоговой и банковской тайн: история и зарубежный опыт: учеб. пособие / Р.Б.Иванченко. - Воронеж: Ин-т МВД России, 2002.
 4. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. – Москва: Статут, 2003.
 5. Паршуков М.И. Формирование правового института коммерческой тайны в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. - Екатеринбург, 2007.
 6. Розенберг. Промысловая тайна. - Спб., 1910.
 7. Шишмарева Е.В. Коммерческая тайна в Российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид.наук. - Москва, 2004.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ОСНОВЕ СВОБОДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЛИЦЕНЗИЙ

Щербачева Любовь Владимировна,

к.ю.н., доцент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

FOREIGN LAW PRACTICE FOR COPYRIGHT ETCAB THROUGH FREE PUBLIC LICENSES

Scherbachov Lyubov Vladimirovna, PhD, Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia them. V. Kikotâ

Аннотация. Анализ зарубежной юридической практики по делам о защите авторских прав на основе свободных общественных лицензий выявил целый ряд недостатков, позволяющих говорить о правовом несовершенстве, недостаточной их теоретической и практической проработанности.

Автор отмечает, что согласно ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из самого факта создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности, вне зависимости от формы их выражения и носителя. Поэтому не может быть результата интеллектуальной деятельности, на который ни у кого нет прав.

На основании этого сделал вывод о том, что судебные разбирательства из зарубежной практики убедительно свидетельствуют о том, что применение свободных общественных лицензии при соответствующей лояльности вполне можно «уместить» в рамки действующего законодательства, которое было принято в подавляющем большинстве случаев до возникновения и активного применения концепции «копи-лефт».

Abstract . Analysis Of The warubežnoj jurisprudence on copyright Affairs on the basis of free public licenses identified a number of shortcomings, which suggests the legal imperfections, not their theoretical and practical elaboration.

The author notes that according to the CIVIL CODE civil rights and obligations arise from the very fact of creating works of science, literature, art, inventions and other results of intellectual activity, regardless of the form of expression and the media. cannot be the result of intellectual activity, for which no one has any rights.

On this basis, concluded that trials of foreign practices clearly demonstrate that the use of free public licenses when the loyalty is quite possible "fit" within the framework of existing legislation, which was passed overwhelmingly, to the emergence and active application of the concept of "copyleft".

Ключевые слова: авторские права, договор, лицензия, программное обеспечение, произведение, искусства, литература, судебная практика.

Keywords: copyright, contract, license, software, artwork, art, literature, judicial practice.

Одним из первых дел было решение Мюнхенского суда по судебной защите объектов авторского права распространяемых на условиях лицензии GNU GPL ver.2 было дело Netfilter/Iptables против немецкой фирмы распространяющей через свой

сайт сетевые продукты. По решению Мюнхенского суда[1] ответчику было запрещено распространять, размножать или использовать программное обеспечение Netfilter/Iptables иначе, чем это предусмотрено условиями лицензии GNU GPL ver.2. Сумма

иска составила 100 000 Евро. При этом в решении было отмечено, что у суда не возникло сомнений относительно того, что стандартные условия договора, которыми являются условия лицензии GPL, стали частью договорных отношений сторон в соответствии с § 305(2) Гражданского кодекса Германии.

Другим подтверждением легитимности применения лицензий семейства GNU GPL стало решение суда в г. Франкфурт-на-Майне[2], в очередной раз подтвердив его соответствие требованиям немецкого законодательства. Условия GPL были истолкованы судом как стандартные условия договора (*allgemeine Geschäftsbedingungen*). Суд считает тот факт, что условия использования программного обеспечения на основе лицензии GNU GPL были легко доступны в сети Интернет, что позволило суду сделать вывод о том, что они стали частью договора. Суд присудил ответчику возместить понесенные расходы истца на установление факта нарушений условий лицензии, т.е. к возмещению убытков, вызванных неисполнением условий договора.

В 2011 г. окружной суд Берлина вынес решение[3] в судебном разбирательстве между компаниями AVM и Cybits, связанном с попыткой компании AVM запретить модификацию любых частей прошивок к своим маршрутизаторам, независимо от наличия в таких прошивках компонентов, распространяемых под лицензией GPL. Суд отверг требования истца и подтвердил, что пользователи встраиваемых систем, на которые предусмотрено свободное ПО, могут легально создавать, устанавливать и запускать модифицированные версии данного ПО.

Представляющий интересы ответчика Харальд Вельте (Harald Welte), основатель *gpl-violations.org* и разработчик некоторых компонентов ядра Linux, заявил: «Я очень рад, что суд отклонил все требования AVM, связанные с желанием контролировать любые изменения в GPL-программах, входящих в состав прошивки для маршрутизаторов FritzBox». Позволение и поощрение создания улучшенных вариантов существующих программ и продуктов является ключевым аспектом движения свободного программного обеспечения. Маттиас Киршнер (Matthias Kirschner), немецкий координатор европейского отделения Фонда свободного ПО указал на то, что «Свободное программное обеспечение дает каждому право использовать, изучать,

распространять и улучшать его. Никому не должно быть позволено помешать другим в реализации этих прав».

Французская судебная система также продемонстрировала легитимность действительности лицензий GPL в контексте французского права. Парижский апелляционный суд признал компанию Edu4, виновной в нарушениях условий данной лицензии при распространении программного обеспечения в форме объектного кода без предоставления возможности получения исходного кода[4].

Любопытным примером судебного решения является решение испанского суда. Так, судья Роза-Эсперанца Санчес Руиз-Телл заявляет, что цифровое пиратство может способствовать росту продаж легального контента, указав в своем приговоре по делу местного пирата. Одновременно с этим судья постановила, что обвиняемый не должен будет компенсировать правообладателям нанесенный ущерб, поскольку установить размер этого ущерба невозможно[5]. Легализацией файлообменников и пиринговых сетей закончилось судебное разбирательство между испанской организацией по защите прав авторов и издателей SGAE и владельцем местной файлообменной сети *elrincondejesus.com*. Защитники авторских прав хотели добиться того, чтобы ресурс был закрыт. В SGAE надеялись, что ресурс должен быть закрыт до окончания судебного разбирательства. Суд, однако, счел, что это неоправданная мера. Судья постановил, что пиринговые сети – это просто способ обмена данными между пользователями, и никаких авторских прав одним своим существованием они нарушать не могут. Судья проверил финансовые отчеты владельца файлообменной сети, удостоверившись в том, что ответчик не зарабатывает на предоставлении пользователям возможности обмениваться ссылками. Поэтому было решено, что и само размещение ссылок на файлы, защищенные авторским правом, не являются нарушением, если никто на этом не зарабатывает.

Таким образом, ресурс *elrincondejesus.com* не будет закрыт, так как не противоречит действующему в Испании законодательству в области авторского права.

Фонд Свободного ПО (FSF) в 2008 году подал в суд на компанию Cisco за нарушение условий распространения свободного ПО. Обвинения FSF

сводятся к тому, что выпуская продукцию под брендом Linksys компания нарушила лицензии множества программных пакетов, права на которые принадлежат FSF. Среди них компилятор и библиотеки GCC, gnu libc, binutils, gdb, coreutils, readline, parted, wget и т.д.

В основном нарушения касаются GPL и LGPL, одним из главных условий которых является обязательное предоставление исходного кода вместе с реализуемой продукцией. FSF имеет на руках документальные подтверждения случаев не выполнения данного положения. «Наши лицензии создавались, чтобы каждый, кто использует данное ПО, получил возможность его изменять. Чтобы воспользоваться этим правом, необходимо получить исходные тексты, именно поэтому наши лицензии требуют от дистрибьютера предоставлять их. Мы боремся за исполнение требований наших лицензий, чтобы защитить права, которые каждый должен соблюдать по отношению к любому ПО: использовать его, делиться им и модифицировать его - по своему усмотрению» - заявил основатель и президент FSF Ричард Столман. В 2009 году обе FSF и компания Cisco заключили соглашение, по которому Cisco признала факт нарушения и преобразовала свои лицензии до уровня совместимости с лицензиями свободного программного обеспечения а также выплатила FSF финансовые контрибуции. В Бельгии и Израиле создан прецедент, подтверждающий юридическую состоятельность лицензий Creative Commons[6].

В Бельгии наказан производитель рекламного ролика, в котором был использован 20 секундный фрагмент музыкальной композиции "Abatchouck", распространяемой в рамках лицензии Creative Commons BY-NC-ND. Суд удовлетворил претензии автора композиции, утверждавшего, что производители рекламного ролика нарушили сразу три основных условия лицензирования - не указали автора и лицензию, использовали произведение для извлечения коммерческой выгоды и создали производный продукт (использовали отрывок песни).

Израильский суд признал виновным нарушителя лицензии Creative Commons BY-NC-ND, организовавшего продажу коллажей из фотографий, без указания их авторов и нарушая требования лицензии. Примечательно, что автором фотографии были размещены с указанием лицензии CC BY-NC-

ND в сервисе Flickr, но ответчик указал на то, что загрузил фотографии с совершенно другого ресурса, на котором ссылка на лицензию отсутствовала. Суд отверг довод ответчика. Дело Skype[7] (2008 г., Мюнхен, Германия). Компания Skype Technologies SA (Люксембург) нарушила условия лицензии GNU GPL v. 2, осуществляя продажу телефонов распространяемых под платформой Linux вместе со своим программным обеспечением Skype. Однако, согласно условиям лицензии GNU GPL v. 2 компания обязана предоставлять доступ к исходному коду программы и размещать условия лицензии GNU GPL v. 2. Суд обязал компанию предоставить доступ к исходному коду и разместить условия свободной лицензии. Компания Skype в свою очередь, в обоснование своих возражений указывала на то, что URL адрес, по которому можно найти и исходный код, и условия лицензии были указаны в сопроводительной документации к телефону. Суд счел данные доводы несостоятельными, т.к. согласно условиям лицензии GNU GPL v. 2, пользователь программного обеспечения обязан предоставить ссылку на исходный код при условии что, по данной ссылке находится и бинарный код, который отсутствовал в данном случае.

В 2010 году организация Центр защиты свободного ПО (Software Freedom Law Center) сообщила об успешном завершении судебного разбирательства, связанного с нарушением условий лицензии GPL компаний Westinghouse Digital Electronics, включившей в состав прошивки HDTV-устройств свободный пакет BusyBox без открытия сопутствующих исходных текстов. Суд признал компанию Westinghouse виновной и постановил запретить распространять телевизоры высокой четкости в которых содержится программа BusyBox, с передачей уже выпущенных экземпляров на благотворительность. Кроме того, суд обязал выплатить компенсацию разработчикам в размере 90 тыс. долларов, плюс оплатить 48 тыс. долларов издержек, связанных с оплатой работы юристов, привлеченных Центром защиты свободного ПО. Событие немного омрачил факт нахождения компании Westinghouse на стадии банкротства, которая практически прекратила свое существование и вынуждена распродавать свои активы для возвращения долгов кредиторам. Шансы получить предписанное судом имущество в свете банкротства невелики, но решение суда может

послужить хорошим уроком для всех нарушителей лицензии GPL.

Событие не является рядовым, так как впервые в судебной практике США суд признал неправоту нарушителя GPL, создав тем самым судебный прецедент, которого так долго добивались сторонники лицензии GPL. Число поданных в суд исков, связанных с нарушением лицензии GPL исчисляется уже десятками и вошло в разряд не вызывающих удивление явлений. Все подобные иски до сих пор завершались внесудебным мирным урегулированием конфликта, при котором компания-нарушитель выплачивала разработчикам GPL-продукта денежную компенсацию и гарантировала соблюдение условий GPL в своих продуктах. Судебный иск против компании Westinghouse был подан в одновременно с исками против производителей потребительской электроники, среди которых компании Samsung, Best Buy, JVC, Zyxel и Western Digital. Приведенные в качестве примеров судебные разбирательства из зарубежной практики убедительно свидетельствуют о том, что применение свободных общественных лицензии при соответствующей лояльности вполне можно «уместить» в рамки действующего законодательства, которое было принято в подавляющем большинстве случаев до возникновения и активного применения концепции «копи-лефт».

Вместе с тем, в Российской Федерации еще не было судебных разбирательств связанных с применением свободных общественных лицензий. С каждым годом лишь возрастает число исков поданных в

суд в отношении защиты интеллектуальной собственности. Это связано также с техническим прогрессом, но в большей степени с лоббированием интересов крупных транснациональных компаний, о чем уже писалось выше, увеличилось число популистских дел, таких как дело А.М. Паносова[8], дело Лопуховых, дело allofmp3.com.

Литература:

1. <http://www.aufrecht.de/urteile/urheberrecht/gpl-open-source-lg-muenchen-i-urteil-vom-19-mai-2004-az-21-o-612304.html> (дата обращения 6.09.2014г.)
2. http://www.jbb.de/urteil_lg_frankfurt_gpl.pdf(дата обращения 6.09.2014г.)
3. <http://fsfe.org/news/2011/news-20111110-01.html> (дата обращения 8.09.2014г.)
4. Cour d'Appel de Paris, 16 September 2009 (<http://fsffrance.org/news/arret-ca-paris-16.09.2009.pdf>) (дата обращения 8.09.2014г.)
5. <http://ru.scribd.com/doc/69721113/Sentencia-Penal-criterios-indemnizacion-140-LPI> (дата обращения 09.09.2014г.)
6. <http://creativecommons.org/weblog/entry/26115> (дата обращения 10.09.2014г.)
7. <http://laforge.gnumonks.org/weblog/linux/gpl-violations/index.html>. (дата обращения 10.09.2014г.)
8. <http://www.duralex.org/sepyichevo-obvinitelnoe-zaklyuchenie/>(дата обращения 10.09.2014г.)

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СУДОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ферапонтова Екатерина Александровна

аспирант Тамбовского государственного университета им.

Г.Р. Державина. г.Тамбов

секретарь судебного заседания

Ленинского районного суда г.Тамбова,

г.Тамбов

SOME QUESTIONS WHICH ARE CLOSELY CONNECTED WITH THE PRACTICE OF THE INSTITUTE OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT (AS EXEMPLIFIED BY THE TAMBOV REGION COURTS)

Ferapontova Ekaterina, Graduate student of the Tambov state university named after G.R. Derzhavin

Court session secretary

Аннотация

Автор статьи анализирует правовые и организационные проблемы теории и практики института досудебного соглашения о сотрудничестве: о его эффективности в правоприменительной практике, а также лиц и органов, осуществляющих его реализацию.

Abstract

In the article analyzes the legal and organizational problems of mission the institute of the pre-trial cooperation agreement: its efficiency in practice. The pre-trial cooperation agreement as a tool in fight against organized crime.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, признание вины, Уголовный кодекс РФ, Уголовно - процессуальный кодекс РФ.

Key words: pre-trial cooperation agreement, fault recognition, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal procedure Code of the Russian Federation.

Обвиняемый или подозреваемый вправе заявить с момента начала уголовного преследования и до того момента, как следователем будет сделано объявление об окончании предварительного следствия ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В этом ходатайстве подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч.2 ст.317.1 УК РФ).

В пояснительной записке, сопровождающей проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве указано: «... в целях рас-

крытия и расследования «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений чрезвычайно важно предоставлять правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. С учетом этого представляется обоснованным внесение соответствующих изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающих возможность заключения обвиняемым (подозреваемым) письменного ходатайства о сотрудничестве с указанием своих действий, которые обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличения соучастников и розыска имущества, добытого в результате преступления» [2].

Меры, стимулирующие поведение обвиняемых, способствующих раскрытию преступлений законодателями во всём мире ищутся давно. Подобное сотрудничество со следствием выгодно и самому обвиняемому, так как в соответствии с ч.4 ст.317.7 УК РФ - судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор и с учетом положений частей второй и четвертой статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации назначает подсудимому наказание. По усмотрению суда подсудимому с учетом положений статей 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания.

Однако механизм действия рассматриваемого института окончательно не проработан законодателем, так как в процессе правоприменения возникают пробелы в законодательстве. В большинстве случаев, досудебные соглашения заключаются по делам о совершении тяжких и особо тяжких преступлений, наказание за которые часто: пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Обвиняемый (подсудимый) зачастую понимая, что его ждёт - идёт на сделку с правосудием для того, чтобы избежать высшей меры наказания. Особенно, это касается преступлений, совершенных в группе. Так, один из членов организованного преступного сообщества может сообщить следствию данные о преступлениях, совершенных его сообщниками, в том числе с его участием. В этом случае, материалы уголовного дела в отношении так называемого «информатора» будут выделены в отдельное производство, а по другому уголовному делу он будет являться всего лишь засекреченным свидетелем.

Всё бы было отлично, если бы правоприменитель не столкнулся с массой вопросов, на которые нет ответов в главе 40.1 УПК РФ. Рассмотрим проблему на примере уголовного дела в отношении М. обвиняемого в совершении семнадцати преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 - п. «а» ч. 3 ст. 228-1 УК РФ, пяти преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30 - п. «а» ч. 3 ст. 228-1 УК РФ, ч. 1 ст. 30 - п. «а,г» ч. 3 ст. 228-1 УК РФ (в ред. 8.12.2003 года), ч. 2 ст. 210 УК РФ (в ред. от 27.12.2009 года), п. «б» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ (в ред. от 1.03.2012 года), то есть ряда особо тяжких преступлений, связанных с незаконным приготовлением, покушением, сбытом и контрабандой наркотических средств, а также участия в преступном сообществе в мае – ноябре 2012

года на территории Московской, Астраханской и Тамбовской областей РФ.

Как видно из перечня статей, М. было предъявлено обвинение по п. «б» ч.4 ст.229.1 УК РФ, относящийся к подсудности областных судов, а именно: контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ в особо крупном размере. Санкция данной статьи предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы.

С обвиняемым М. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, что исключает в соответствии с положениями ч. 4 ст. 62 УК РФ назначение ему за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ, пожизненного лишения свободы. Обвинительное заключение утверждено заместителем прокурора района г.Тамбова и направлено для рассмотрения в районный суд г.Тамбова.

При изучении поступившего в суд уголовного дела, судья принимает решение о возврате уголовного дела прокурору района г.Тамбова для устранения имеющихся нарушений, мотивировав это тем, что, согласно п. 1.8. Приказа Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. N 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [1] подготовка проектов досудебных соглашений о сотрудничестве и иных процессуальных документов осуществляется в управлениях и отделах прокуратур субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных прокуратур и иных специализированных прокуратур в соответствии с их компетенцией при подписании указанных соглашений прокурорами субъектов Российской Федерации, приравненными к ним военными прокурорами и прокурорами иных специализированных прокуратур, их заместителями.

М. обвиняется, в том числе, по статье областной подсудности, обвинительное заключение по такой категории уголовных дел согласно п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ утверждается прокурором области.

Таким образом, по мнению суда, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с М. за-

ключено прокурором района г. Тамбова с нарушением учёта вертикали полномочий прокурора, поскольку М. было предъявлено обвинение по п. «б» ч.4 ст.229.1 УК РФ, относящийся к подсудности областных судов. Следовательно, досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться по статьям областной подсудности прокурором области, а не района, что следует из Приказа Генерального Прокурора РФ № 107.

Помимо этого, согласно требованиям ст.32 УПК РФ уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления. Если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследуемых по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них.

В настоящем уголовном деле наиболее тяжким из совершенных преступлений является п. «б» ч.4 ст.229.1 УК РФ. Именно совершение данного преступления определяет подсудность всего дела, как подсудного областному или равному ему суду. Указанное преступление, согласно предъявленного обвинения, совершено на территории Астраханской области РФ, что указывает на подсудность всего дела, как подсудного Астраханскому областному суду. Указанное является требованием ч.1 ст. 47 Конституции РФ «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом» [4].

Принимая решение о возвращении уголовного дела прокурору, суд исходит из необходимости определения компетентного должностного лица органов прокуратуры, наделённого в соответствии с требованиями УПК РФ и Приказа Генерального прокурора РФ № 107, имеющего полномочия по заключению досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве, дальнейшим утверждением надлежащим должностным лицом прокуратуры обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд в соответствии с требованиями о подсудности.

Прокуратурой района г.Тамбова было принесено апелляционное представление на данное постановление районного суда. Апелляционная инстанция Тамбовского областного суда посчитала, что препятствий для рассмотрения уголовного дела районным судом не имеется, так как на момент предъявления М. обвинения, досудебное соглашение о сотрудничестве уже было заключено. При этом раскрытие преступления, предусмотренного п. «б» ч.4

ст.229.1 УК РФ стало возможным в результате сотрудничества с обвиняемым. Возможность и процедура дополнения или изменения в ходе расследования уголовного дела ранее заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве законом прямо не предусмотрены.

Доводы суда первой инстанции о том, что наиболее тяжкое из совершенных преступлений является п. «б» ч.4 ст.229.1 УК РФ, совершенное на территории Астраханской области РФ, определяющее подсудность всего дела, как подсудного областному или равному ему суду (то есть Астраханскому областному суду), Тамбовский областной суд посчитал не убедительными. В своём апелляционном определении он указал, что в соответствии с ч.3 ст.32 УПК РФ если преступления совершены в разных местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них. Из материалов уголовного дела суд усматривает, что большинство преступлений совершено на территории г.Тамбова и только одно преступление на территории Астраханской области, поэтому указанные судом первой инстанции основания для возвращения уголовного дела прокурору, не препятствуют рассмотрению дела районным судом.

Из всего вышесказанного следует вывод, что в данном случае, вопрос о применении или не применении пожизненного лишения свободы в отношении лица есть вопрос, решаемый районным судом. В таком случае, зачем вообще законодатель придумал статью 31 УПК РФ - подсудность уголовных дел, если её вот так просто можно обойти. Масса вопросов возникает и с территориальной подсудностью уголовного дела. Проводя аналогию, если пять преступлений, предусмотренных ст.158 УК РФ совершено на территории города Тамбова, а убийство совершено в городе Пензе, то следуя вышеописанной логике областного суда, дело относится к подсудности суда города Тамбова. Всё это представляется странным и не логичным, противоречит всем основам уголовно-процессуального права.

Помимо всего прочего, человек, которому предъявлено обвинение по статье, санкция которой предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы, имеет право на рассмотрения его дела судом с участием присяжных заседателей. В данном случае и это право М. было нарушено. Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом,

осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Указанное положение Закона говорит о полномочиях прокурора, осуществляемых им в пределах его компетенции.

В соответствии с п. п. 4,5 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ в досудебном соглашении о сотрудничестве должны быть указаны: описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1 - 4 части первой статьи 73 настоящего Кодекса; пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление.

Таким образом, составив досудебное соглашение о сотрудничестве с указанием квалификации преступления, как подлежащего рассмотрению судом областного уровня, прокурор района не вправе его подписывать, поскольку его полномочия не распространяются на утверждение обвинительного заключения, как итогового документа по результатам предварительного следствия по уголовному делу, подсудному вышестоящему суду.

Наше суждение основано также на положениях п. п. 19, 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3]: по смыслу статьи 63.1 УК РФ, части 4 статьи 317.6 и части 5 статьи 317.7 УПК РФ, если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке. В случае принятия решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства, суд выносит об этом постановление. Судебное заседание для разбирательства в общем порядке назначается в соответствии со статьей 231 УПК РФ. По основаниям, предусмотренным в части 2 статьи 229 УПК РФ, проводится предварительное слушание.

Следовательно, если районный суд придет к выводу, что подсудимым были нарушены указанные выше требования заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, то он возвращает дело прокурору района, поскольку обвинительное заключение составлено с нарушением норм УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора.

Прокурор района после этого направляет уголовное дело для производства дополнительного расследования с целью составления нового обвинительного заключения, а затем - прокурору области для его утверждения и направления дела по подсудности.

Не является ли такая процессуальная конструкция излишней? На наш взгляд, она слишком сложна и не отвечает требованиям расследования и рассмотрения уголовных дел в разумные сроки.

В рассматриваемом случае, прокурор района, по нашему мнению, не обладал полномочиями заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с лицом, которому могло быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

По изложенным основаниям, рассматриваемый вопрос подлежит дополнительному процессуальному регулированию с внесением в ч. 1 ст. 317-2 УПК РФ пункта 3 в соответствии с которым прокурор принимает решение «о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для удовлетворения (отказа в удовлетворении) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, если квалификация описания преступления наказывается пожизненным лишением свободы или смертной казнью».

В заключении хотелось бы сказать, что на сегодняшний день уже имеется практика применения института досудебного соглашения о сотрудничестве в нашей стране, но, к сожалению, пока нет единого понимания предназначения и целей данного института, а также механизма его применения судами.

Список литературы

1. Журнал «Законность», 2010 г., N 6.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/3035226/#3035226>.
3. Российская газета 11 июля 2012. N 156.
4. Российская газета 25 декабря 1993 . N 237

ПОНЯТИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ. ЕЁ МЕСТО СРЕДИ ЭЛЕМЕНТОВ ЦЕЛЕУКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.

Попов Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Пятигорского филиала Российского Экономического Университета имени Г.В.Плеханова; профессор кафедры уголовного и гражданского права и процесса юридического института Пятигорского Государственного Лингвистического Университета.

Попова Ирина Алексеевна

старший помощник прокурора г. Пятигорска, соискатель.

Попов Артем Алексеевич

аспирант института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

THE CONCEPT AND DEFINITION OF OBJECTIVE EVIDENCE. ITS PLACE AMONG THE ELEMENTS OF TARGETING IN CRIMINAL PROCEEDINGS.

Popov Alexey Pavlovich, the doctor of jurisprudence, the professor of chair of criminal law of Pyatigorsk branch of the Russian Economic University of a name G.V.Plehanova; the professor of chair criminal and civil law and process of legal institute of Pyatigorsk State Linguistic University.

Popova Irina Alekseevna, the senior assistant to the public prosecutor of of Pyatigorsk, the competitor.

Popov Artem Alekseevich, the post-graduate student of an international law institution and economy of A.S.Griboedov

Аннотация

В статье рассматриваются понятие и цели доказывания современного уголовного судопроизводства, средства достижения цели уголовного процесса, методы системного исследования целеполагания в сфере уголовного судопроизводства.

The summary

In article methods of system research целеполагания in sphere of criminal legal proceedings are considered concept and the purposes доказывания modern criminal legal proceedings, means of achievement of the purpose of criminal trial.

Ключевые слова: цель доказывания, цель уголовного судопроизводства, элементы содержания целеуказания, «дерево целей» уголовного процесса.

Keywords: the purpose of proof, the purpose of criminal proceedings, content targeting, "tree of objectives" of the criminal process.

«В самом общем смысле под доказательством понимают такой факт, который рассматривают как должностную службу мотивом для верования в существование или не существование другого факта».¹

Процитированный только что Иеремия Бентам принадлежит к тем очень немногочисленным столпам английского правоведения, труды которых – после их смерти - английская судопроизводственная традиция (вспомним: английское право – право процессуалистов) воспринимает как источники права.

Это не означает, что авторитет Бентама побуждает нас принять его определение доказательств как истину в последней инстанции. Слово *истина* в приведенной дефиниции как раз отсутствует. В ней

наличествует совсем другое ключевое слово – верование.

Мы снабдили фрагмент о *цели доказывания* сентенцией типичного представителя англосаксонской *системы* доказывания по двум соображениям. Во-первых, для того чтобы иметь возможность смотреть на ситуацию, сложившуюся сегодня в науке отечественного уголовного процесса, двумя глазами, обеспечивая тем самым стереоскопичность зрения, и, во-вторых, чтобы показать, откуда пошли в современной отечественной науке уголовного процесса тенденции игнорирования или даже отрицания объективной истины как цели доказывания. Из этих же соображений мы и литературный источник выбрали из позапрошлого века (перевод 1876 года, годы жизни И. Бентама – 1748-1832).

По нашему мнению, *целью доказывания по*

¹ Бентам И. Трактат о судебных доказательствах. – Киев,

уголовному делу является создание одного из главных, необходимых условий для принятия справедливого решения по тому самому конкретному уголовному казусу, выявление признаков преступления по которому и послужило *переросшим в основание* поводом для возникновения и дальнейшего развития конкретного уголовного судопроизводства. По нашему глубокому убеждению, и приговор, и иные конечные решения по уголовному делу, например постановление об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера, должны приниматься на основе познанной принимающим решение субъектом объективной истины.

Мы в этом отношении не придумываем ничего нового. Мы следуем традиции отечественного уголовного процесса, традициям отечественной теории доказательств. Мы хотим лишь способствовать дальнейшему поступательному, а не регрессному их развитию.

Эффективным методом системного исследования целеполагания в сфере уголовного судопроизводства, в частности нахождение места такого его элемента, как цель доказывания среди других элементов содержания целеполагания, является структурирование, составная частью которого - построение и истолкование многоуровневого *дерева целей*. В.М. Мишин, отечественный специалист по системам управления, различает *уровни*, мы бы сказали, чтоб сохранить образ, *ветви и вершину дерева* целей. Названный специалист различает: генеральную цель, цели 1-го уровня (главные цели), цели 2-го уровня, цели 3-го уровня и так до необходимого уровня декомпозиции. Достижение генеральной цели предполагает реализацию главных целей, а реализация каждой из главных целей – достижение соответственно своих конкретных целей 2-го уровня и т.д.»²

Сказанное, наверно, правильно, если не учитывать того обстоятельства, что цели (и задачи), во всяком случае в уголовном судопроизводстве, не располагаются послушно на отведённых им этажах. Кроме всего прочего, они могут конфликтовать между собой, их векторы могут находиться в состоянии разнонаправленности, что является следствием противоречивости в их содержании.

В упрощенном варианте (без учета всех составляющих) средствами достижения цели уголовного процесса являются цель доказывания и непосредственные задачи стадий уголовного процесса

(цели 2-го уровня); средствами решения непосредственной задачи стадии предварительного расследования – достижение целей следственных действий (цель 3-го уровня); а непосредственной задачи стадии судебного разбирательства – достижение задач частей судебного разбирательства (также 3-й уровень). Такая совокупность последовательно дробящихся целей в сфере уголовного судопроизводства в соответствии с понижающимся уровнем его подсистем деятельности вполне можно называть «деревом» целей уголовного процесса.

Если же не упрощать, то на пути достижения цели уголовного процесса надобно найти место и для интересов личностей, не заинтересованных в познании истины по делу, и вынесение на этой базе справедливого и, следовательно, целесообразного решения.

Утверждают, что ЦУП достигается не непосредственно, а лишь посредством достижения подцелей, на которые она распадается. В то же время это не обычное сложение подцелей, так как каждая из подсистем может обладать дополнительными подцелями, не коррелируемыми с глобальной целью системы. Во-вторых, средства к достижению общей (глобальной) цели являются её подцелями. Цели нижних ярусов, в случае правильного конструирования дерева целей, являются средствами достижения целей высших ярусов, и дерево целей реализуется наиболее эффективно, если каждая подсистема стремится достичь своей подцели, имея в виду общую цель всей системы. В-четвертых, в деятельности существует состязательность целей и их взаимоподдержка, которые проявляются на всех ярусах дерева целей. Состязательность целей выражается в том, что иногда приходится поступаться степенью реализации одной цели во имя достижения другой. В-пятых, цели верхних уровней формулируются обычно в достаточно общем виде, в агрегированных, абстрактных понятиях и детализируются на нижних уровнях целевой структуры.

Таким образом, если сопоставить между собой методологические и методические требования, предъявляемые системологами к целеполаганию, и рассуждения проф. В.Т. Томина о содержании элементов дерева целей уголовного судопроизводства, то следует признать, что мысли В.Т. Томина о задачах уголовного процесса как отрасли государственной деятельности являются неуязвимыми и сегодня. Исходя из сказанного, автор полагает, что была не права одна из сильнейших специалистов в области

² Мишин В.М. Исследование систем управления: Учебник для вузов. – М., 2003. – С.167.

теории советского уголовного процесса П.С. Элькинд, выступавшая против позиции В.Т. Томина, помещавшего в дереве целей задачи уголовного судопроизводства как отрасли государственной деятельности выше цели уголовного процесса.³

Наверное, прав В.Т. Тomin, когда пишет, что целью уголовного процесса является «изобличение лиц, совершивших преступление, определение меры их вины и назначения им справедливого наказания или иных мер государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретных случаях достижение целей уголовного наказания без назначения наказания».⁴

Впрочем, мы, кажется, увлеклись полемикой, уводящей нас от цели доказывания к целям и задачам более высокого уровня. Да и сам В.Т. Тomin полагал этот спор терминологическим, происшедшим из того, что он в рамках науки уголовного процесса пользовался её терминами – цель уголовного процесса, задачи уголовного судопроизводства, а проф. П.С. Элькинд в языке той же науки не адаптированными к ней терминами другой – философии. Соотношение же терминов «цель» и «задачи» в философии совершенно иное, чем соотношение терминов «цель уголовного процесса» и «задачи уголовного судопроизводства» в отраслевой науке уголовного процесса.

Список литературы

1. Бентам И. Трактат о судебных доказательствах. – Киев, 1876.
2. Мишин В.М. Исследование систем управления: Учебник для вузов. – М., 2003.
3. Попов А.П. Зинченко И.А. Попова И.А. Проблемы современного доказательственного права в уголовном процессе. Международный юридический журнал «Пробелы в Российском законодательстве», № 6, 2012
4. Попов А.П. Сущность и содержание доказывания по уголовному делу. Две стороны доказывания. Материалы международной конференции «Актуальные проблемы СКФО в условиях формирования туристско-рекреационного кластера». 07.10.2013 – 11.10.2013г. Филиал СКФУ в г. Пятигорске. Сборник научных трудов том II, г. Пятигорск, 2013
5. Попов А.П., Попова И.А. Зинченко И.А. Проблемы доказательственного права современной России. Монография. Пятигорск: Изд. «РИА-КМВ», 2014.

6. Попов А.П. Попова И.А. Проблемы совершенствования норм о предоставлении предметов и документов как способе собирания доказательств в уголовном процессе. Международный юридический журнал «Пробелы в Российском законодательстве» № 1, 2013
7. Тomin В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1991
8. В.Т.Тomin, А.П.Попов и И.А.Зинченко. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) Пятигорск: Изд. «РИА-КМВ», 2014.
9. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976.

The literature list

1. Bentam I. Traktat about judicial proofs. - Kiev, 1876.
2. Mishin V.M. Issledovanie of control systems: the Textbook for high schools. - M, 2003.
2. I.A.problem's I.A.Popova's A.P.Zinchenko's Priests of the modern law of evidence in criminal trial. The international legal magazine «Blanks in the Russian legislation», № 6, 2012
3. Popov A.P. The essence and content of proof in a criminal case. Two sides of proof Materially international conference "Actual problems of the North Caucasus Federal district in the formation of the tourism and recreation cluster". 07.10.2013 - g. Branch of SKFU, in Pyatigorsk. Collection of scientific papers volume II, Pyatigorsk, 20135.
4. Popov A.P I.A.Zinchenko I.A.problem of the law of evidence of modern Russia. The monography. Pyatigorsk: publishing company "RIA-KMV", 2014.
5. Popov A.P. Popova I.A. problem of perfection of norms about granting of subjects and documents as a way of collecting of proofs in criminal trial. The international legal magazine «Blanks in the Russian legislation» № 1, 2013
6. Tomin V. T. Sharp corners of criminal legal proceedings. - M, 1991
7. V.T.Tomin, A.P.Popov and I.A.Zinchenko. Criminal trial of modern Russia. Problem lectures: the manual (for students of the higher legal educational institutions) Pyatigorsk: publishing company "RIA-KMV", 2014.
8. Elkind P. S. The purposes and means of their achievement in Soviet criminally-procedural right. - L, 1976.

³ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976.

– С.30-31, 37.

⁴ Тomin В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1991. – С.55

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Жадан Владимир Николаевич,

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности
Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета
г. Елабуга*

TO THE QUESTION OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIME

Zhadan Vladimir Nikolaevich, Candidate of Science, assistant professor department of criminal procedure and judicial activities Elabuga Institute of Kazan (Volga) Federal University, Elabuga

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые вопросы о коррупционной преступности в России на основе анализа действующего законодательства в области противодействия коррупции, официальных и научных данных о коррупционных преступлениях, а также авторского понимания отдельных аспектов криминологической характеристики данной преступности.

ABSTRACT

This article discusses some questions about crimes of corruption in Russia on the basis of the analysis of the current legislation in the field of combating corruption, official and scientific data on corruption offences, as well as the author's understanding of certain aspects of criminological characteristics of this crime.

Ключевые слова: коррупционная преступность, Россия, анализ, законодательство, официальные и научные данные, авторское понимание, криминологическая характеристика.

Keywords: corruption crime, Russia, analysis, legislation, official and scientific data, the author's understanding of criminological characteristics.

Происшедшие в России с 90-х годов XX столетия реформы в политической и социально-экономических сферах привели к развитию новых рыночных отношений, предусматривающих демонополизацию государственной и устанавливающих множественность форм собственности, свободу предпринимательства и иной экономической деятельности. При этом данный процесс оказался не только сложным и экономически нестабильным, повлекшим негативные последствия в социально-экономическом плане [1, с. 221], но и значительный рост насильственной, организованной, корыстной и иной преступности, в том числе коррупционных правонарушений и преступлений.

Среди всех видов правонарушений и преступлений, влияющих на криминогенную ситуацию в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), и в тоже время востребованных в правоприменительной практике являются коррупционные преступления. При этом коррупционная преступность является существенным фактором, представляющим опасность для национальной безопасности России.

Вопросам анализа криминологической характеристики отдельных видов преступности [2], в том числе коррупции в России [3], противодействия коррупционным преступлениям в органах государственной власти и экономической деятельности на федеральном и региональном уровнях [4], посвящено немало публикаций. В тоже время это не лишает нас продолжить рассмотрение некоторых вопросы криминологической характеристики коррупционной преступности.

На основании Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [5], в России не только подтверждено сотрудничество в международной борьбе против коррупции (о чем свидетельствуют Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» и Федеральный закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»), но и приняты Федеральные законы (например, Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее

– ФЗ «О противодействии коррупции») [6], Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»), Указы Президента РФ (например, Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции», Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции», постановления Правительства РФ (например, постановление Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции») и другие нормативные правовые акты по вопросам противодействия коррупции.

В ФЗ «О противодействии коррупции» определяются основные понятия, правовые основы, принципы, а также дается характеристика деятельности по противодействию коррупции и ответственности физических и юридических лиц за коррупционные правонарушения. Так, в подпункте «а» п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [6]. При этом используемый в данном законе термин «коррупционные правонарушения» соответствующим понятием не определяется, а термин «коррупционные преступления» вообще не используется.

В Уголовном кодексе РФ (далее – УК) [7] также нет состава преступления, называемого коррупционным (коррупцией). При этом к антикоррупционным нормам в УК относятся о должностных и связанных с ними преступлениях – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.1-285.2 УК), незаконное участие в предпри-

нимательской деятельности (ст. 289 УК), получение взятки (ст. 290 УК), дача взятки (ст. 291 УК), служебный подлог (ст. 292 УК) и др.

В Указании Генеральной прокуратуры РФ № 387-11 и МВД РФ № 2 от 11.09.2013 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» прилагается перечень № 23, в котором определяются составы преступлений коррупционной направленности [8].

Таким образом, к коррупционным преступлениям следует относить достаточно широкий круг общественно опасных деяний, квалифицируемых по различным статьям Особенной части УК, а уголовно-правовой анализ коррупционных преступлений требует самостоятельного исследования.

В юридической литературе коррупционное преступление определяется, как предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, предполагающее незаконное использование лицом своего служебного положения или незаконное предоставление выгоды лицу, обладающему публичным статусом, совершаемое с прямым умыслом и целью получения выгоды для себя или других лиц. В свою очередь, коррупционная преступность определяется, как совокупность коррупционных преступлений, совершенных за определенное время и на конкретной территории.

Автор этих строк солидарен с научной позицией, что коррупционная преступность – это целостная, относительно массовая совокупность преступлений (и лиц, их совершивших), посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления, службы в коммерческих и иных негосударственных организациях, выражающихся в незаконном получении (и предоставлении) материальных или иных благ и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных, муниципальных функций или служебных функций в коммерческих и иных негосударственных структурах [9].

По международным и отечественным экспертным оценкам Россия относится к числу стран мира с «высоким» уровнем коррупции в государственном управлении и экономической деятельности.

Общепризнано, что криминологическая характеристика отдельных видов преступности, в том числе и коррупционные преступления, включает в себя следующие элементы: 1) состояние рассматриваемого вида преступности и ее отдельных групп, динамику, удельный вес, структуру, уровень ла-

тентности и т.д.; 2) причины и условия, способствующие совершению преступлений; 3) криминологическую характеристику личности преступника и т.д., которые и будут предметом нашего исследования.

В науке криминологии изучение преступности, ее состояния, динамики и структуры, особенностей и различий отдельных видов преступлений, выявление причин и условий преступности – это первоначальные этапы криминологического исследования для последующего анализа личности преступника и организации борьбы с преступностью [10, с. 834].

Согласно официальной статистике в России за 2013 год всего зарегистрировано 2206,2 тыс. преступлений, в том числе преступлений коррупционной направленности 42369 (-14,4 в %), удельный вес этих преступлений, в общем числе составил 1,9% [11]. В тоже время за 2010 год было зарегистрировано 2628,8 тыс. преступлений, из них – 59283 преступлений коррупционной направленности, удельный вес преступлений данной категории – 2,3% [12]. Из этих данных следует, что за 2013 год в сравнение с 2010 годом зарегистрировано почти на 17 тыс. меньше коррупционных преступлений. При этом в последние годы наблюдается тенденция снижения регистрируемых преступлений, как в целом, так и коррупционных преступлений.

Как известно многие виды преступности, в том числе и коррупционные преступления, характеризуется высокой латентностью, а поэтому в официальной статистике по оценкам отечественных экспертов отражается только одна пятая (или десятая) часть совершаемых преступлений данной категории. Удельный вес коррупционных преступлений в общей структуре преступности с учетом латентности по экспертным оценкам может составлять не менее – 10-20%.

Криминологическая характеристика коррупционной преступности представляет комплекс взаимодействующих и взаимосвязанных причин, детерминирующих как отдельные коррупционные преступления, так и в совокупности с другими преступлениями корыстного, организованного и иного характера, и состоит из разноплановых и многочисленных факторов.

К причинам коррупционной преступности в России принято относить [13]: нестабильность в экономике, зависящая от политики и внешних влияний; инфляционные процессы; проникновение организованной преступности в легальный бизнес; материальная необеспеченность чиновника, идущего на поборы и взятки ради удовлетворения

собственных нужд и своей семьи; отсутствие эффективной рыночной конкуренции, что позволяет получать сверхдоходы, а также добиваться успеха не работой, а подкупом; проникновение в государственные учреждения представителей преступных организаций; непомерное количество чиновников, что снижает возможность их высокой оплаты; коррупция в правоохранительных органах; низкий уровень антикоррупционной культуры населения, должностных лиц, руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, их правосознания; недостаточно эффективное взаимодействие правоохранительных органов с другими государственными органами по совместному предупреждению, пресечению и раскрытию коррупционных преступлений и правонарушений; недостаточное информационное обеспечение деятельности правоохранительных органов по организации борьбы с коррупционными правонарушениями; отсутствие эффективного механизма участия общественности в борьбе с коррупцией и др.

Следующим криминологическим элементом коррупционной преступности является криминологическая характеристика личности преступника. Общеизвестно, что личность преступника включает совокупность индивидуальных свойств и качеств, обуславливающих совершение преступления, в котором проявляется антиобщественная направленность его поведения.

Проведенные криминологические исследования в части личности преступников-коррупционеров показывают следующую их структуру: работники министерств, ведомств и других исполнительных органов на федеральном, региональном и местном уровнях – 40%; работники правоохранительных органов – 25%; работники медицинских, образовательных и социальных организаций – 20%; работники контролирующих, налоговых и таможенных служб – 12%; депутаты различных уровней – 1%; иные лица – 2%.

В литературе предлагается следующая криминологическая типология преступной коррупции [13]: коррупция в высших эшелонах власти на федеральном, региональном и местном уровнях (часто связана с организованной преступностью, крупными хищениями, отмыванием «грязных» денег и т.д.); коррупция в правоохранительных органах (одна из причин организованной преступности, крупных и особо крупных хищений и др.; высокой латентности преступности в России); коммерческий подкуп организаторов и участников профессиональных спортивных соревнований и зрелищ-

ных коммерческих конкурсов; коммерческий подкуп в коммерческих и иных организациях; коррупция в средних и низших структурах исполнительной и законодательной власти; коррупция в медицинских и образовательных организациях; коррупция в средствах массовой информации и т.д.

Таким образом, настоящее исследование на основе анализа действующего российского законодательства в области противодействия коррупции, некоторых официальных и научных данных о коррупционных преступлениях, а также авторского понимания позволяет охарактеризовать отдельные аспекты криминологической характеристики данной преступности.

Литература:

1. Жадан В.Н. Криминогенная ситуация в России, ее значение для безопасности граждан // Проблемы современной науки: сборник научных трудов: выпуск 8. Часть 1. Ставрополь: Логос, 2013. С. 221-227.
2. См.: Дицевич Я.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение экологической преступности: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 267 с.; Криминологическая характеристика коррупции и коррупционной преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://freepapers.ru/95/kriminologicheskaya-harakteristika-korrupcii-i-korrupcionnoj/227429.1556682.list2.html> (дата обращения: 22.09.2014); Криминологическая характеристика и профилактика преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: http://www.erudition.ru/referat/printref/id.28530_1.html (дата обращения: 22.09.2014); Криминологическая характеристика и профилактика рецидивной преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.be5.biz/pravo/kkvv/12.htm> (дата обращения: 22.09.2014) и др.
3. См.: Абашидзе А.Х. Национальные и международные меры в борьбе против коррупции // Юрист-международник. 2007. № 2. С. 2-10; Еделев А.Л. Коррупция как системная угроза стабильности и экономической безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2009. № 2. С. 29-32; Жадан В.Н. Политика государства в целях борьбы с коррупцией в сфере образования // Педагогика и современность. 2013. № 6. С. 120-128 и др.
4. См.: Стрельников К.А. Вопросы реализации Федерального закона «О противодействии коррупции» // Юридический мир. 2009. № 3. С. 24-26; Уланов В.В. К вопросу о мерах по борьбе с коррупцией в регионах России // Российский следователь. 2009. № 12. С. 21-23 и др.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121140> (дата обращения: 22.09.2014).
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 28.12.2013 № 396-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156929> (дата обращения: 22.09.2014).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 № 130-ФЗ) от 21.07.2014 № 277-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 387-11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 2 от 11.09.2013 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154639/ (дата обращения: 22.09.2014).
9. Криминологическая характеристика коррупции и коррупционной преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elective.ru/arts/uri01-k0464-p20769.phtml> (дата обращения: 22.09.2014).
10. Жадан В.Н. Некоторые подходы к анализу причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 834-838.
11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://sartraccs.ru/Crimstat/2013.pdf> (дата обращения: 22.09.2014).
12. Коррупция как разновидность противоправной деятельности. Состояние, структура, динамика и тенденции коррупционной преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pandia.ru/text/78/314/11802.php> (дата обращения: 22.09.2014).
13. Коррупционная преступность [Электронный ресурс]. URL: http://www.razlib.ru/yurisprudencija/kriminologija_izbrannye_lekcii/p3.php (дата обращения: 22.09.2014).

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРАХ

Виноградова Олеся Александровна

Преподаватель кафедры гражданского и трудового права

Северо-Западный институт управления –

филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ

г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

В статье дается теоретико - правовой анализ, а также анализ качества и полноты нормативного правового обеспечения института индивидуальных трудовых споров в законодательстве Российской Федерации.

In article deals with the theoretical and legal analysis, and also the analysis of quality and completeness of standard legal support of individual labor disputes institute in the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: трудовое законодательство, трудовые отношения, трудовой конфликт, трудовые разногласия, столкновение сторон, индивидуальный трудовой спор.

Key words: history of labor law, labor legislation, labor relations, labor conflict, labor disputes, clash of the parties, individual labor dispute.

Институт трудовых споров - один из самых динамично развивающихся институтов трудового права за последние десятилетия. Динамика в развитии норм, регулирующих трудовые споры, обусловлена современными социальными и экономическими преобразованиями в обществе. Регулирование рассматриваемой группы отношений складывалось сложно и в наибольшей степени претерпело влияние политических, экономических и социальных преобразований в России. Совершенствование этих норм продолжается и в настоящее время [1,37].

Несмотря на то, что Трудовой Кодекс РФ действует уже на протяжении десяти лет, многие ученые говорят о его несовершенстве и необходимости внесения большого количества поправок, выработке научных рекомендаций при непосредственном разрешении возникающих трудовых конфликтов, с учетом международно - правовых норм и их исторического анализа, издании локальных нормативных актов, регламентирующих взаимоотношения наемных работников и работодателей[2].

Прежде всего, несмотря на то, что в ТК РФ (ст. 381) дано определение понятия «индивидуальный трудовой спор», до сих пор в научной литературе продолжается дискуссия, что понимать под данной категорией. В теории права высказывается точка зрения, согласно которой «в легальной дефиниции

трудового спора, содержащейся в ТК РФ, конфликтологические характеристики превалируют над правовыми. В условиях, когда понятие трудового спора перешагнуло рамки отраслевого, такой дисбаланс должен быть устранен с тем, чтобы дефиниция приобрела в большей степени правовой процессуальный характер. Именно при таком развитии событий она позволит точно определить подведомственность того или иного спора и особенности процедуры его разрешения в юрисдикционном органе». Иными словами, в развитие данного положения следует в законодательную трактовку трудовых споров (причем, в ТК РФ отсутствует единое определение данного понятия, речь идет отдельно о формулировке индивидуального и коллективного спора), ввести детализированное описание юрисдикционных органов, рассматривающих тот или иной спор согласно подведомственности, а также специфику разрешения спора указанными органами. Щербakov А.В. полагает, что указанный подход вряд ли корректно применять к дефиниции понятия «трудовой спор», а более разумно обозначить указанные предложения по совершенствованию правовых признаков трудовых споров в рамках отдельных статей ТК РФ, посвященных обозначению органов, компетентных к рассмотрению споров указанной категории, и специфики их деятельности по разрешению спора.

Подытоживая вышесказанное, он предлагает такую формулировку понятия «трудовой спор». Трудовой спор - возникшее между сторонами трудовых отношений разногласие по вопросам применения трудового законодательства, толкования коллективных договоров или определения новых трудовых отношений между участниками трудового права в условиях оспаривания одной из сторон действий (решений) другой стороны как противоправных, при попытке урегулирования данного разногласия сторонами самостоятельно и недостижении положительного результата, с обращением в последующем в подведомственный орган по разрешению трудовых конфликтов [9, 92]. Как справедливо отмечается в некоторых научных публикациях по проблемам права, определение трудового спора через формулировку «неурегулированные разногласия» порождает ряд вопросов по процедуре их разрешения. Так формулировка ч. 1ст. 381 ТК РФ может породить вывод о том, что закон возлагает на стороны обязанность предпринять некие усилия по урегулированию возникших разногласий до обращения в юрисдикционный орган (КТС или суд). Иными словами, попытка урегулирования разногласий, не увенчавшаяся успехом, есть условие для последующей передачи спора на рассмотрение соответствующего юрисдикционного органа. Следовательно, возникает предположение о том, что юрисдикционной стадии разрешения индивидуального трудового спора предшествует некая доюрисдикционная стадия, назначение которой - предпринять усилия по урегулированию возникших разногласий. Возникают вопросы, должны ли стороны (или хотя бы одна из них) предпринять некоторые действия по урегулированию возникших разногласий до обращения в юрисдикционный орган. Является ли отсутствие данных о том, что такие действия предпринимались, основанием для отказа юрисдикционного органа в приеме к рассмотрению соответствующего заявления? И если доюрисдикционная стадия имеет место, то каким должен быть порядок урегулирования разногласий на этой стадии? Законодательство четкого ответа на поставленные вопросы не дает. В итоге высказанной позиции выдвигается мнение: либо закрепить в законодательстве какие-то возможные (но не обязательные) механизмы урегулирования разногласий на доюрисдикционной стадии, либо вообще отказаться от использования формулировки «неурегулированные разногласия», оставив, например, только слово «разногласия»?

По мнению А. В. Щербакова, правовая основа рассмотрения индивидуальных споров в сфере труда нуждается в дальнейшем совершенствовании

и, в том числе, в связи с недостаточной регламентацией трудовым законодательством процедуры мирного урегулирования индивидуального трудового спора. Однако более правомерным было бы в описанной выше позиции не отказываться от формулировки «неурегулированность разногласий» в правовой дефиниции (ч. 1ст. 381 ТК РФ), а пойти по пути правовой регламентации общего порядка доюрисдикционного урегулирования разногласий по трудовым спорам [9, 94].

С 1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193 - ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее - Федеральный закон № 193 - ФЗ), что повлекло за собой внесение соответствующих изменений в Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, ряд других нормативных правовых актов. Данный закон создает правовые условия для развития в России альтернативных способов урегулирования споров при участии независимых лиц - медиаторов, осуществляющих свою деятельность, в том числе профессионально, и направлен на снижение нагрузки на судебную систему. Несмотря на первые результаты функционирования отечественного института медиации, теоретико-правового осмысления требует целый ряд сложнейших вопросов относительно правовой природы, ценностных оснований и императивов в организации и реализации медиации, что представляется важным для развития указанного института[3].

В целом процедура медиации основана на том, что стороны при участии медиатора должны прийти к консенсусу и достигнуть взаимоприемлемого соглашения. Такая процедура не носит характера тяжбы. Новый документ направлен на то, чтобы предложить быстрый и удобный способ разрешения споров, который должен отличаться гибкостью и гарантировать исполняемость решений, принятых в ходе процедуры медиации, экономить судебные издержки [7].

Однако, уже выявлены недостатки и самого Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»:

- явная избыточность (юридизированность) процедуры медиации (в ущерб многим другим, помимо юридической, ее составляющим) и перегруженность Закона условиями доступа к процедуре медиации и ее инициирования при недостаточной

правовой определенности многих содержательных вопросов;

- сфера применения Закона (часть 2 статьи 1) необоснованно сужена, притом еще и недостаточно четко определена ч. 3 ст. 1 Закона;

- недостаточная определенность некоторых понятий, используемых в Законе (например, отсутствует четкое определение понятия «публичные интересы» (не отрицая данного понятия и его значения), употребленного в ч. 5 ст. 1, что порождает неоднозначность толкования;

- к числу правовых неопределенностей в Законе следует отнести порядок проведения процедуры медиации, основания привлечения медиаторов к ответственности за вред и меры такой ответственности, причиненный вследствие осуществления ими своей деятельности, критерии, которым должны отвечать медиаторы, осуществляющие свою деятельность на непрофессиональной основе, а также отнести явно недостаточную определенность статуса медиаторов;

- существенный «перекос» положений Закона в сторону определения статуса и функций профессиональных медиаторов, а также саморегулируемых медиативных организаций, притом что Закон не устанавливает возможности осуществления эффективного внешнего контроля, в том числе, со стороны органов публичной власти государства, за их деятельностью.

- отсутствие возможности удостоверить медиативные соглашения нотариально;

- прямой запрет, установленный пунктом 2 части 6 статьи 15, на оказание юридической, консультационной и иной помощи медиатором сторонам без определения того, что входит в понятие указанной помощи (притом что, в принципе, деятельность медиатора есть оказание юридической и консультативной помощи сторонам, а значит – в том числе и конкретным по отдельности, хоть и во время процедуры медиации), а также максимальных пределов возможного оказания такой помощи, без которой невозможно осуществление медиатором своей деятельности;

- отсутствие положений, касающихся страхования медиаторов. [3].

Внедрение в жизнь медиативных процедур разрешения индивидуальных трудовых споров - дело будущего. Потребуется существенная корректировка всей 60-й главы Трудового Кодекса, поскольку споры, возникающие из трудовых правоотношений, о которых идет речь в Законе о медиации, не совпадают с понятием индивидуального трудового спора, данным в статье 381 ТК РФ. Кроме

этого, целесообразно было бы дополнить главу 60 ТК РФ новой статьей «Предварительное урегулирование противоречий между работником и работодателем», которая бы устанавливала сроки и процедуру досудебного разрешения спора. Кроме того, данная статья предоставила бы сторонам возможность проводить переговоры при участии посредника [9, 94].

В статье 382 ТК РФ указано, что органами по рассмотрению индивидуальных трудовых споров являются комиссии по трудовым спорам и суды. В соответствии с российским законодательством индивидуальные трудовые споры могут рассматриваться в федеральных судах общей юрисдикции или мировым судьей. Мировой судья как суд первой инстанции может рассматривать дела, вытекающие из трудовых отношений, за исключением дел, касающихся восстановления на работе, которые находятся в компетенции федеральных судов общей юрисдикции. Следовательно, нужно будет менять не только понятие индивидуальных трудовых споров, но и порядок их рассмотрения и разрешения. По мнению Т.А. Сошниковой, в настоящее время было бы правильным повысить роль комиссий по трудовым спорам, у которых уже давно накоплен определенный опыт в разрешении конфликтов между работником и работодателем [6, 58]. По мнению ряда авторов, в долгосрочной перспективе роль и функции КТС должны быть пересмотрены. Система КТС может быть сохранена только в том случае, если они не будут в дальнейшем развиваться как «народный суд», состоящий из неопределенного числа членов. Также предлагается дополнить статью 389 ТК РФ «Исполнение решений комиссии по трудовым спорам» положениями, касающимися юридической силы мировых соглашений, соответственно изменив название статьи на - «Исполнение решений комиссии по трудовым спорам и мировых соглашений, заключенных сторонами спора» [9, 94].

Едва ли не единственным шагом, позволяющим реально повысить качество рассмотрения дел по трудовым спорам, наиболее эффективно защитить трудовые права работника и работодателя, устранить волокиту при рассмотрении указанных дел (и, тем самым одновременно поднять качество рассмотрения других категорий дел), явилось бы создание в Российской Федерации судов по рассмотрению трудовых споров (трудовых судов) [4, 88].

Предложения о необходимости введения в судебную систему Российской Федерации специализированных федеральных судов (трудовых судов), возможности законодательного изменения судебной системы Российской Федерации, до сих пор не

увенчались успехом, хотя сама идея обсуждалась и продолжает обсуждаться в науке трудового права. Учреждение в России специализированных судов должно способствовать:

- созданию реальных гарантий по реализации конституционных прав граждан на судебную защиту в целом и трудовых прав в частности;

- обеспечению реального соблюдения требований процессуального законодательства при разрешении споров в суде;

- усовершенствованию правового механизма реального и быстрого исполнения судебных решений, особенно по делам о взыскании заработной платы, пособий и других денежных выплат; одновременно защитная функция суда по трудовым спорам должна включать всю совокупность мер по мирному урегулированию разногласий между сторонами спора по быстрому принудительному восстановлению нарушенных прав и законных интересов субъекта трудового и иного производного от него правонарушения по возмещению в полном объеме имущественного и морального вреда, понесенного работником и работодателем. Формирование трудовой юстиции в России достаточно целесообразно, о чем свидетельствует как зарубежный опыт и история нашего государства в первой трети XX века, а также практика рассмотрения трудовых дел в настоящее время. Формы существования трудовой юстиции могут быть разные: как специализированные трудовые суды, так и специальные судебные составы в рамках суда общей юрисдикции [5, 201].

В соответствии со ст. 118 Конституции РФ ее судебная система устанавливается Конституцией и Федеральным конституционным законом («О судебной системе РФ»). Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Специализированные федеральные суды по рассмотрению гражданских и административных дел учреждаются путем внесения изменений и дополнений в закон «О судебной системе Российской Федерации», а их полномочия, порядок образования и деятельности устанавливаются федеральным конституционным законом. Статья 22 Гражданского процессуального кодекса РФ определяет, что в порядке гражданского судопроизводства рассматриваются, в частности, дела, возникающие из трудовых правоотношений. Следовательно, отсутствует необходимость введения в законодательные акты РФ понятия «трудоустройство» и внесения соответствующих изменений в ст. 118 Конституции РФ. Составление приведенных норм Конституции РФ,

федерального конституционного закона «О судебной системе РФ», ГПК РФ позволяет сделать вывод, что суды по рассмотрению трудовых споров могут существовать в виде специализированных федеральных судов (судов специальной компетенции) по рассмотрению трудовых споров – трудовых судов. Создание таких судов может быть осуществлено путем внесения соответствующих изменений и дополнений в закон «О судебной системе РФ». А их полномочия, порядок образования и деятельности должны быть установлены Федеральным конституционным законом «О трудовых судах Российской Федерации» [4, 88]. В этом законе необходимо закрепить:

- систему трудовых арбитражных судов и их компетенцию;

- особенности процессуальной деятельности судов, включая порядок обжалования их решений;

- правила формирования судейского корпуса, в том числе предъявленные к нему требования;

- порядок исполнения решений и правовой статус судебных исполнителей [5, 201].

Трудовые суды, как и иные федеральные суды, должны входить в судебную систему РФ. Целесообразно их создание в соответствии с административно – территориальным делением субъектов РФ. При этом необходимо учитывать, что в удаленных и малонаселенных регионах России количество требующих разрешения трудовых споров может быть невелико. Поэтому допустимо создание межрайонных трудовых судов в зависимости от численности населения. Такой подход был реализован законодателем в законе «О мировых судьях в Российской Федерации».

Широко дискутируется в юридической литературе и вопрос о необходимости принятия Трудового процессуального кодекса Российской Федерации, поскольку судопроизводство по трудовым делам должно осуществляться по общим правилам гражданского процесса с определенными особенностями. К сожалению, этот вопрос остается до сих пор открытым.

Список использованной литературы.

1. Андриановская И.И. Регламентация трудовых споров: история и современность. // История государства и права. 2010. № 10.
2. Антонова Л.И. Необходимость совершенствования структуры Трудового Кодекса Российской Федерации. // Власть. 2010. №6. С. 80 – 83.

3. Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов (теоретико – правовой анализ) // [Электронный ресурс] // URL: <http://ganepa.ru/files/docs/aspirant/yelesejev>. (Дата обращения 17.09.2014)
4. Калинин И.Б. Трудовые суды в России. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Выпуск 9 (72). Серия: Гуманитарные науки (Экономика, право).
5. Павловская О.Ю. Трудовой арбитражный суд как разновидность суда по разрешению трудовых споров. // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №2.
6. Сошникова Т. А. Проблемы совершенствования законодательства о трудовых спорах в современной России. // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. №3.
7. Тишин А.П. Правила проведения медиации. [Электронный ресурс] // URL: <http://lexandbusiness.ru>. (Дата обращения 20.08.2014)
8. Шевчук Т.И., Чеховская О.Л. Некоторые проблемы разрешения индивидуальных трудовых споров в РФ. [Электронный ресурс] // URL: <http://publ.uchis-online.ru>. (Дата обращения 20.05.2014)
9. Щербаков А.В. Проблемы регулирования трудовых споров. // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3.

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

ГРАЖДАНСКИЕ ИСКИ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ СПОРОВ О КАЧЕСТВЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ, ОКАЗАННЫХ ГРАЖДАНАМ В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН РФ

*Канунникова Людмила Владимировна,
главный врач Новосибирского
областного госпиталя № 2 ветеранов войн,
доктор медицинских наук, профессор,
заведующая кафедрой медицинского права
и биоэтики ФПК и ППв
Новосибирского государственного
медицинского университета, юрист.*

THE CIVIL SUITS FOLLOWING FROM DISPUTES ON QUALITY OF THE MEDICAL SERVICES RENDERED TO CITIZENS IN THE LIGHT OF THE NEW LEGISLATION ON PROTECTION OF PUBLIC HEALTH OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kanunnikova Lyudmila, chief physician Novosibirskogo regional hospital No. 2 of veterans of wars, doctor of medical sciences, professor, manager of chair of the medical right and FPK and PPV bioethics The Novosibirsk state medical university, lawyer.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена нормативная правовая база, по искам граждан, возникающим из споров о качестве медицинских услуг, оказанных гражданам. Проведен анализ гражданских дел, где выявлены проблемы при назначении судами судебно-медицинских экспертиз, правовых отношений между медицинской организацией, страховой медицинской организацией и пациентами (потребителями). Обосновано применение экспертизы качества оказания медицинской помощи (услуги) по гражданским делам в разрешениях спора о качестве оказания медицинской помощи (услуги) с компенсацией морального вреда.

ABSTRACT

In article the regulatory legal base, in the claims of citizens arising from disputes on quality of medical services, rendered to citizens is considered. The analysis of civil cases where problems are revealed at appointment as vessels of forensic medical examinations, legal relations between the medical organization, medical insurance company and patients (consumers) is carried out. Application of examination of quality of rendering medical care (service) in civil cases in settlements of dispute about quality of rendering medical care (service) with compensation of moral harm is proved.

Ключевые слова: иски, договор, судебно-медицинская экспертиза, обзор судебной практики, федеральное законодательство в сфере охраны здоровья граждан РФ, экспертиза качества оказания медицинской помощи (услуги), нормативно-правовая база.

Keywords: suits, contract, forensics, judicial review, the federal legislation on health protection of citizens of the Russian Federation, the examination of the quality of care (services), legal and regulatory framework.

Ежегодное увеличение в РФ количества жалоб, претензий, гражданских исков пациентов связано с внедрением рыночных отношений в медицинскую практику, с повышением правовой грамотности населения, а также появлением новых федеральных законов в сфере охраны здоровья граждан, которые регламентируют медицинскую деятельность

нормами права. В настоящее время в практике судов общей юрисдикции получили широкое распространение иски, возникающие из споров о качестве медицинских услуг, оказанных гражданам. По своей правовой природе эти иски по существу являются обычными исками, возникающими из споров о качестве оказанных услуг (ст. 779 ГК РФ). Однако, дела

этой категории относятся к категории сложных, поскольку в процессе их рассмотрения перед судом неизбежно возникают вопросы, разрешения которых требуют наличия специальных знаний в области медицины, при этом обычно ситуация в процессе рассмотрения дела складывается таким образом, что специальными знаниями обладает ответчик по делу – соответствующая медицинская организация (далее МО), в отличие от истца и суда, что неизбежно порождает у суда известные трудности при рассмотрении данной категории дел. В связи с изменением федерального законодательства в сфере охраны здоровья граждан РФ необходимо рассмотреть материальные и процессуальные особенности данной категории дел с учетом изменений. Анализ гражданских дел, которые нарастают «снежным комом», в субъектах Сибирского Федерального округа, выявил ряд проблем, так суды не всегда указывают вопросы, разрешение которых требует специальных знаний в области медицины по делу, т.е. суд должен определить обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу и распределить обязанности сторон по их доказыванию (ч.2 ст.56 ГПК РФ). При назначении экспертизы суд должен выяснить вопросы, которые требуют специальных знаний в области медицины, установить обстоятельства, подлежащие установлению путем проведения экспертизы, оценив таким образом, относимость и допустимость данного доказательства (ч.1 ст. 80 ГПК РФ, абз. 13 Обзора судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначения и проведения экспертизы по гражданским делам, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 14.11.2011г.). В случаях проведения экспертизы качества оказания медицинской помощи, по спору о качестве медицинских услуг, бюро судебно – медицинской экспертизы (далее СМЭ) необходимо иметь лицензию на данный вид экспертной деятельности (ФЗ №99 п.46 ч.1 ст.12), которой у них нет, т.к. в их компетенцию по законодательству не входят вопросы, касаемые экспертизы качества оказания медицинской помощи (услуги). Также не допустима постановка судами перед экспертами бюро СМЭ вопросов правового характера, в частности, таких как: «... имеется ли причинно-следственная связь между действиями медицинского персонала и дефектами оказания медицинской помощи...» (п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008г.

№11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»), данная позиция также подтверждена Верховным Судом РФ в абз. 54 Обзора судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначения и проведения экспертизы по гражданским делам, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 14.11.2011г.), где прямо указано «Недопустима постановка перед экспертами вопроса правового характера». Однако в анализируемых исках в 100% судами указывались вопросы правового характера перед СМЭ. Данный анализ позволил медицинской общественности публично выразить тревогу по этому поводу и еще раз подчеркнуть все сложности и специфику оценки работы врача с точки зрения права. Особенность деятельности в сфере медицины заключается в том, что такие последствия лечения, как смертельный исход и другие неблагоприятные последствия могут иметь место в результате непредотвратимости течения заболевания, т.е. закономерны. Это накладывает определенную трудность на юридическую квалификацию действий медицинского работника. Между тем, современные условия развития законодательства и медицинской науки требуют принципиально нового подхода к анализу теоретических и практических аспектов «некачественного врачевания», что представляет собой острую медико-юридическую проблему, решение которой актуально, как для правового поля правосудия, так и практического здравоохранения. Так, рассматривая иски граждан (пациентов), которым, по их мнению, медицинские услуги были оказаны с ненадлежащим качеством, отношения истца и ответчика по искам этой группы опосредуются соответствующим договором обязательного медицинского страхования (далее ОМС) в порядке, установленном Федеральным законом от 29.11.2010г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ» ст. 39 (далее ФЗ №326). Согласно указанной норме закона, сторонами данного договора являются соответствующие МО и страховые медицинские организации (далее СМО). Получателем медицинской помощи (услуги) по этому договору является застрахованное лицо, которое таким образом, является третьим лицом, обладающим соответствующим правом требования к медицинской организации. Факт заключения соответствующего договора подтверждается наличием у пациента

полиса ОМС. Права застрахованного лица определяются ст. 16 ФЗ №326. Договор ОМС, на основании которого ответчиком оказывалась медицинская помощь (услуга), является договором между исполнителем услуги – МО с одной стороны и СМО в пользу застрахованного физического лица, т.е. договором в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ). При этом, поскольку оплата медицинской помощи (услуги) оказанной пациенту, производится МО за выполненный объем СМО, этот договор носит возмездный характер (ст. 423 ГК РФ). Правом требования по данному договору в силу п.п. «б» п. 1 ч. 1 ст. 16 выше указанного закона обладает застрахованное лицо (пациент). Пациент вступает в правоотношения по ОМС и оказанию ему в рамках данного договора медицинской помощи (услуги), т.е. для удовлетворения личных нужд, следовательно, к данным правоотношениям в силу ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» подлежит применению и ФЗ №326. На это, в частности, прямо указал Верховный суд Российской Федерации в п. 9 Постановления № 17 от 28.06.2012 года «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в котором он прямо указал что: «к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых МО в рамках добровольного и ОМС, применяется законодательство о защите прав потребителей. При этом следует учитывать то обстоятельство, что договор ОМС представляет собой реализацию конституционного права гражданина на охрану здоровья, гарантированную ч. ч. 1, 2 ст. 41 Конституции РФ – т.е. охрану личного неимущественного блага гражданина, которое, в силу положений абз. 3 ст. 1112 ГК РФ не наследуется. Таким образом, права по данному договору, принадлежащие застрахованному лицу, неразрывно связаны с его личностью и не наследуются, а из положений действующего законодательства прямо следует, что отношения пациента и МО, в случае оказания пациенту медицинской помощи (услуги) в рамках договора ОМС носят договорной характер. Иски являются по существу, исками пациентов (заказчиков), основанным на некачественном оказании ему исполнителем медицинских услуг, т.е. представляет собой спор о надлежащем исполнении МО обязательств по договору.

Рассматривая иски граждан, состоящих или состоявших в кровном родстве с пациентами, которым, по мнению истцов, были оказаны медицинские услуги ненадлежащего качества (отцы, матери, братья сестры, сыновья, дочери пациентов), а также лицами, состоящими или состоявшие с пациентом в брачных отношениях (мужьями, женами пациентов), договор, регулирующий отношения истцов и соответствующей МО, отсутствует, отношения истца и ответчика носят внедоговорной характер, т.е. правоотношения сторон спора возникают из предполагаемого причинения вреда (ст. 1064 ГК РФ), выразившегося в причинении морального вреда (ст. 151, 1099-1101 ГК РФ), т.е. носит деликтный характер. Особенностью данной категории дел является нарушение прав не самого истца, а его родственника, супруга, свойственника, в связи, с чем наличие у такого истца права на соответствующий иск и права на его удовлетворение судом подлежит специальному изучению и установлению судом. Сложившаяся в настоящее время судебная практика исходит из того, что для выяснения вопроса о том, качественно или нет, была оказана медицинская помощь (услуга) истцу или потерпевшему необходимо назначение СМЭ. Эта практика по существу основана на положениях Раздела IX Медицинская экспертиза "Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан" (утв. ВС РФ 22.07.1993 N 5487-1), который утратил силу с 01.01.2012г., включавшего в себя ряд экспертиз, в обязанности которых не входили вопросы экспертизы качества оказания медицинских услуг, поэтому судебная практика отнесла разрешение данных вопросов к предмету СМЭ. Правовым основанием для назначения СМЭ, в т.ч. была Инструкция по организации и производству экспертных исследований в бюро СМЭ, утвержденная Приказом Минздрава РФ от 24.04.2003 N 161 «Об утверждении Инструкции по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 02.06.2003 N 4616), раздел XII, который предусматривал возможность проведения сложных комиссионных экспертных исследований по материалам уголовных и гражданских дел, данный приказ с 04.06.2010г. признан не действующим. Между тем, указанная выше Инструкция по организации и производству экспертных исследований в бюро СМЭ не предусматривала возможности проведения

СМЭ только и исключительно по материалам дела, исходя из необходимости исследования наряду с материалами дела вещественных доказательств. В свете нового Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее «Основы») ст. ст. 62, 64 разграничивают предметы СМЭ и экспертизы качества медицинской помощи, а в ст. 62 ч.1. указано, что целью назначения данной экспертизы является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в МО экспертами в соответствии с законодательством РФ о государственной судебно-экспертной деятельности. В ч.2 указано, что порядок проведения СМЭ и порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, устанавливаются министерством здравоохранения РФ. Приказом Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н "Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации" (Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.08.2010 N 18111) был утвержден порядок организации и производства СМЭ в государственных судебно-экспертных учреждениях РФ. Данный приказ предусматривает проведение СМЭ по материалам дела и наличия объектов исследования (Раздел VIII Особенности порядка организации и проведения дополнительных, повторных, комиссионных и комплексных экспертиз). В задачи СМЭ в настоящее время входит установление фактических обстоятельств по делу, т.е. обстоятельств, имевших или имеющих место в действительности и имеющих объективный, не зависящий от воли сторон характер (например: смерть потерпевшего от ножевого ранения), что полностью соответствует научному характеру данной экспертизы. При разрешении спора о качестве оказанной медицинской помощи (услуги) выяснению подлежит обстоятельство, имеющее юридический характер, а именно – соответствие оказанной медицинской помощи (услуги) требованиям качества. Разрешение данного вопроса в силу его правовой, а не научной природы не может входить в предмет СМЭ. Так, в «Основах» ст. 64, ФЗ №326 ст. 40 ч. 6 определены цели и задачи нового вида экспертизы - экспертизы качества оказания медицинской помощи: «Экспертиза качества медицинской помощи проводится в

целях выявления нарушений при оказании медицинской помощи, в том числе оценки своевременности ее оказания, правильности выбора методов диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата».

Таким образом, в настоящее время действующим законодательством предусмотрен новый вид экспертизы, который обязательно лицензируется, специально предназначенный для оценки качества оказания медицинской помощи (услуги), оказанной пациенту. ФЗ №326 ст.40 ч. 7, приказ Федерального фонда обязательного медицинского страхования (далее ФФОМС) №230 от 01.12.2010г. «Об утверждении порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи (услуги) по ОМС», определили экспертизу качества медицинской помощи и правовой статус врача-специалиста эксперта качества медицинской помощи (услуги). Экспертиза качества медицинской помощи проводится экспертом качества медицинской помощи, включенным в территориальный реестр экспертов качества медицинской помощи. Экспертом качества медицинской помощи является врач - специалист, имеющий высшее медицинское образование, свидетельство об аккредитации специалиста или сертификат специалиста, стаж работы по соответствующей врачебной специальности не менее 10 лет и прошедший подготовку по вопросам экспертной деятельности в сфере ОМС.

Таким образом, право проведения экспертизы качества медицинской помощи имеют только эксперты, включенные в территориальный реестр экспертов территориального фонда ОМС (далее ТФОМС), а это специалисты-эксперты ТФОМС и страховых медицинских организаций.

С учетом особо охраняемого характера правоотношений, связанных с охраной здоровья граждан, законодателем на уровне «Основ» ст.37 установлены гарантии качества оказания гражданам медицинской помощи (услуги), т.е. медицинская помощь (услуга) организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории РФ всеми медицинскими организациями, а также на основе стандартов медицинской помощи. Объективным доказательством соблюдения ответчиком требований к качеству оказания медицинской помощи (услуги)

будет являться доказательство соблюдения им требований стандартов оказания медицинской помощи (услуги) при ее оказании истцу или потерпевшему.

При проведении экспертизы качества медицинской помощи (услуги), в предмет исследования входит разрешение вопросов, которые неизбежно будут обсуждаться сторонами при рассмотрении спора, таких как: выявление нарушений при оказании медицинской помощи, в том числе оценка своевременности ее оказания, правильности выбора методов диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата.

В связи с чем, экспертиза качества оказания медицинской помощи (услуги) имеет специализированный характер и является целевой, ее заключение в соответствии с положениями ст. ст. 55, 56, 58, 60, 79, 80 ГПК РФ будет являться единственным допустимым и относимым доказательством при компенсации морального вреда в разрешении спора о качестве оказания медицинской помощи (услуги).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс российской Федерации (ч.1,ч.2) от 26.01.1996г.//Собрание законодательства РФ №5 от 29.01.1996г.
2. Гущин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред. //С-П: Юридический центр Пресс. 190 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием) 12.12.1993г.
4. Постановление пленума Верховного суда РФ от 24.06.2008г. №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2012г. №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»
6. Таранина И.В. Краткий справочник по гражданскому процессу. //Н: ЮКЭА.1999г.160 с.
7. Федеральный закон от 29.11.2010г. №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании»//Российская газета – федеральный выпуск №5353 от 03.12.2010г.
8. Федеральный закон от 04.05.2011г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»
9. Федеральный закон от 21.11.2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан РФ». //СЗ РФ 2011г. №48
10. Федеральный закон от 07.02.1992г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изменениями и дополнениями от 27.06.2011г. № 162-ФЗ, от 18.07.2011г. №242-ФЗ, от 25.06.2012г. №93-ФЗ)

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ивлева Анна Филипповна

Кандидат юридических наук, доцент

Северный (Арктический) федеральный университет,

г. Архангельск

FEATURES OF FIXING OF INSTITUTE OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Ilyeva Anna, Candidate of Science, assistant professor of Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу становления и развития правовых основ территориального общественного самоуправления. В статье рассмотрены основные этапы законодательного закрепления данного института, дана оценка системе нормативно-правового регулирования территориального общественного самоуправления.

ABSTRACT

This article analyzes the formation and development of the legal framework of territorial public self-government. The article describes the main stages of the legislative recognition of the institution, an assessment system of legal regulation of territorial self-government.

Ключевые слова: правовое регулирование; территориальное общественное самоуправление; муниципальная реформа

Keywords: legal regulation; territorial public self-government; municipal reform

Территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС), будучи одной из форм народо-власти, играет важную роль в современной системе местного самоуправления в России.

Исторический анализ отечественного законодательства свидетельствует о том, что институционализация ТОС произошла в начале 90-х годов XX века с принятием Закона СССР от 09 апреля 1990 года «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [11] (далее – Закон СССР от 09 апреля 1990 года). В данном законе впервые получило юридическое закрепление определение понятия «территориальное (местное) самоуправление», означающее самоорганизацию граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц, на основе законов и соответствующей материальной и финансовой базы.

Система местного самоуправления согласно Закону СССР от 09 апреля 1990 года включала местные Советы, органы ТОС населения (советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские

комитеты и другие органы), а также местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии.

Вторая часть статьи 145 Конституции СССР (в редакции от 26 декабря 1990 года) [5] предусматривала, что: «В системе местного самоуправления, кроме местных Советов народных депутатов, могут действовать в соответствии с законодательством республик органы ТОС, собрания граждан, иные формы непосредственной демократии».

Изменениями и дополнениями, вносимыми в Конституцию РСФСР [4] в силу принятия Закона РСФСР от 24 мая 1991 года № 1329-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с реформой местного самоуправления» [10] понятие «органы территориального общественного самоуправления» были включены не только в положения о местных Советах, но и в названия соответствующих разделов Конституции РСФСР.

Согласно статье 138 Конституции РСФСР органы территориального общественного самоуправления, наряду с Советами народных депутатов, были провозглашены одним из способов осуществления населением местного самоуправления в

РСФСР. Однако правовой статус органов ТОС оставался в Конституции РСФСР и иных правовых актах РСФСР не урегулированным.

Более подробную правовую регламентацию организации и деятельности ТОС обеспечил Закон РСФСР от 06 июля 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР» [9], нормами которого были определены система ТОС населения; органы ТОС населения (советы или комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, поселков, сельских населенных пунктов), а также иные органы самоуправления населения по месту жительства (советы или комитеты улиц, кварталов, домов и тому подобное); порядок проведения выборов и полномочия органов ТОС населения; экономические основы деятельности; структура финансовых ресурсов органов ТОС населения; порядок взаимоотношений между органами ТОС населения с местными Советами, местной администрацией и территориальными депутатскими группами.

Следует согласиться с мнением М.Н. Матвеева, который отмечал, что, возникнув на рубеже 80-х и 90-х годов XX века, территориальное общественное самоуправление было надеждой строящегося заново местного самоуправления России. С начала 90-х годов в истории территориального общественного самоуправления началась борьба двух тенденций: одна сводилась к общественным организациям, другая видела в них «низовое» звено органов местного самоуправления. Упразднение Советов народных депутатов в 1993 году привело к усилению исполнительной вертикали с одновременной приостановкой «советского» эксперимента по территориальному общественному самоуправлению. В итоге оно фактически «выпало» из системы власти на местах, оказавшись вне правового поля [6, с. 84].

Следующим этапом развития правовых основ территориального общественного самоуправления стало принятие Конституции Российской Федерации [3]. Из Конституции были изъяты положения, касающиеся территориального общественного самоуправления, однако, как верно отмечает Н.А. Желтухова, право на территориальное общественное самоуправление – это конституционное право, так как согласно ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражданами в различных формах, одной из которых является территориальное общественное самоуправление [2, с. 16].

В развитие положений Конституции РФ о местном самоуправлении был принят Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8] (далее – Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ), который отнес регулирование ТОС к уставу муниципального

образования и закону субъекта Российской Федерации, закрепив правило о действии ст.ст. 80-86, 96 Закона РСФСР от 06 июля 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР» до принятия субъектами Российской Федерации законов об организации и осуществлении ТОС. Таким образом, регулирование деятельности территориального общественного самоуправления данным законом как таковое отсутствовало, было лишь закреплено легальное определение ТОС и положение о том, что порядок организации ТОС устанавливается уставом муниципального образования.

В дальнейшем регулирование ТОС осуществлялось в субъектах Российской Федерации до принятия Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] (далее – Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ).

Сравнивая положения двух базовых актов, регулирующих местное самоуправление в России – Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ и Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ, в части, относящейся к территориальному общественному самоуправлению, следует отметить, что в действующем законе сохранена общая характеристика ТОС, содержащаяся в Федеральном законе от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ, но по-новому решен ряд вопросов, связанных с организацией ТОС и порядком его законодательного регулирования. Так, если Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ ограничился общей характеристикой ТОС, установив, что порядок организации и осуществления ТОС определяется уставом муниципального образования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации, то Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ непосредственно закрепляет основы правового статуса ТОС, усиливая тем самым федеральные правовые гарантии этой формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, установив, что порядок организации и осуществления ТОС, условия и порядок выделения для ТОС необходимых средств из местного бюджета определяются уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. Таким образом, законодательные акты субъектов Российской Федерации в настоящее время исключены из числа источников правового регулирования ТОС.

Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ создавался с целью более детальной регламентации правовых основ местного самоуправления, его институтов, в том числе института ТОС. В

то же время комплексное регулирование рассматриваемого института в законе отсутствует, в связи с чем, в научной литературе высказываются предложения о внесении в законодательство соответствующих дополнений. Так, по мнению В.И. Васильева, правовой статус ТОС необходимо зафиксировать в отдельном положении о ТОС, конкретизирующем полномочия ТОС, особенности его организации, экономические и финансовые основы, содержание деятельности, формы взаимоотношений с органами местного самоуправления [1, с. 210]. На наш взгляд, необходимость принятия такого нормативного правового акта на федеральном уровне отсутствует, поскольку законодатель, урегулировав принципиальные вопросы организации и осуществления ТОС, основную нагрузку по его детальной регламентации возложил на муниципальные образования.

Необходимо в этой связи отметить, что попытки принятия сначала в 1998 году, а затем в 2001 году специального закона об общих принципах организации ТОС не были реализованы. Как следовало из содержания соответствующих законопроектов, ТОС было приравнено к общественным объединениям и на органы ТОС распространялись положения, регулирующие организацию и деятельность общественных объединений [12].

С момента принятия Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ прошло уже более десяти лет, однако, многочисленные изменения, вносимые в текст закона, не коснулись положений о территориальном общественном самоуправлении. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что совокупность норм законодательства, регулирующих ТОС, на сегодняшний день представляет собой стабильный правовой институт, который характеризуется практической востребованностью в муниципальных образованиях Российской Федерации и не нуждается в принципиальных изменениях на федеральном уровне. В то же время, детализация правовой основы ТОС на муниципальном уровне является важным направлением муниципального правотворчества и будет способствовать увеличению объема правовых гарантий деятельности ТОС, повышению роли органов ТОС в системе местного самоуправления и оптимизации взаимодействия ТОС с органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Список литературы:

1. Васильев В.И. Законодательная основа муниципальной реформы. – М.: Формула права. – 2005. – 336 с.
2. Желтухова Н.А. Право на территориальное общественное самоуправление: сущность, значение и проблемы реализации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2005. – № 5. – С. 16-17.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 2009. – № 7. – 21 янв.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. Принята Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407. Утратила силу с 12 декабря 1993 года.
5. Конституция (Основной Закон) СССР. Принята Верховным Советом СССР 07 октября 1977 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617. Утратила силу с 08 декабря 1991 года.
6. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе местного самоуправления в России в 1993-2003 гг.: монография / М.Н. Матвеев. – Самара: Самар. ун-т, 2006. – 352 с.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506. Утратил силу с 01 января 2009 года.
9. О местном самоуправлении в РСФСР. Закон РСФСР от 06 июля 1991 года № 1550-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 29. – Ст. 1010. Утратил силу с 1 января 2009 года.
10. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с реформой местного самоуправления. Закон РСФСР от 24 мая 1991 года № 1329-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 22. – Ст. 775. Утратил силу с 25 декабря 1993 года.
11. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства. Закон СССР от 09 апреля 1990 года // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 267. Утратил силу с 28 августа 1995 года.
12. Об общих принципах организации территориального общественного самоуправления [Электронный ресурс]: Проект Федерального закона № 90032612-3. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Пучкова Виктория Викторовна

канд. ю. наук, доцент кафедры ОПиСПД Смоленского филиала

Международного юридического института

г. Смоленск

STUDY OF PROBLEMS OF INTERACTION FOOD SECURITY AND RIGHTS OF CITIZENS TO HEALTH: SOLUTIONS

Puchkova Victoria V., Candidate. th. Associate Professor, Department OPiSPD Smolensk branch of the International Law Institute, Smolensk

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются проблемы влияния на реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья безопасность товаров, оказания услуг, качества пищевых продуктов.

ABSTRACT

This paper investigates the problem of impact on the realization of the constitutional right of citizens to health safety of goods, provision of services, the quality of food.

Ключевые слова: право на охрану здоровья; право на получение качественной и безопасной продукции; право на безопасность.

Keywords: right to health care; the right to receive quality and safe products; right to security.

Федеральный закон от 07. 02. 1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [1] регулирует отношения, которые возникают между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (при выполнении работ, оказании услуг). Настоящий закон указывает на то, что потребитель имеет право на безопасность товара (работы, услуги) для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации, а также безопасность процесса выполнения работы (оказания услуги).

Граждане, выступающие в качестве потребителей, имеют право на получение качественной и безопасной продукции, от которой зависит сохранение здоровья каждого человека. Любой гражданин имеет право на информацию о свойствах, качестве продукции и предоставляемых услуг, а также о производителях и продавцах. Данное право гарантирует потребителю достоверную и полную информацию о любом приобретаемом товаре. Право на безопасность подразумевает гарантию безопасности для жизни и здоровья потребителя. В связи с продажей только качественных товаров и предоставлением безопасных услуг зависит здоровье человека. В случае

приобретения некачественных товаров и получения услуг ненадлежащего качества потребители имеют право на возмещение ущерба и получение компенсации морального вреда, так как от потребления некачественных продуктов страдает, прежде всего, здоровье. Именно статьей 13 Закона № 2300 – 1 регламентировано право на возмещение ущерба. Законом № 2300- 1 предусмотрен порядок судебного и досудебного урегулирования конфликта в случае предоставления и продажи товаров и услуг. Однако, не все потребители обращаются за защитой своих прав в сфере потребления товаров и услуг, считая, что правды все равно не добиться, тем самым предоставляя возможность продавцам, производителям обманывать своих потребителей. В России права каждого потребителя нарушаются, примерно, четыре раза в год. С жалобой по качеству товаров или услуг обращаются всего 20 % граждан. Из них только 4 % обращаются в суды [6].

В сфере обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов принимается множество законодательных актов, имеющих цель сохранения здоровья населения. Прежде всего, следует указать на Федеральный закон от 02. 01. 2000 N 29-ФЗ «О ка-

честве и безопасности пищевых продуктов» [2], действие которого направлено на регулирование отношений в области обеспечения качества пищевых продуктов и их безопасности для здоровья человека. Следующим законодательным актом, имеющим, важное, значение для охраны здоровья граждан является Федеральный закон от 12.06.2008 N 88-ФЗ «Технический регламент на молоко и молочную продукцию» [3], который регламентирует предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, и обеспечения достоверности информации о наименовании, составе и потребительских свойствах молока и молочной продукции. Данным законам устанавливаются требования к продуктам переработки молока, к производству и специальным технологическим процессам при производстве и реализации продуктов переработки молока, так как молоко и молочные продукты являются источниками бактерий, наносящими существенный вред здоровью.

Реализации подлежат товары и услуги соответствующие нормам и требованиям СанПиНа. Согласно, п. 2.1 СанПиНа 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» и п. 8.1 СП 2.3.6.1066-01 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации торговли и обороту в них продовольственного сырья и пищевых продуктов» [5], пищевые продукты должны отвечать обычно предъявляемым к пищевым продуктам требованиям в части органолептических и физико-химических показателей и соответствовать установленным нормативными документами требованиям к допустимому содержанию химических, радиологических, биологически активных веществ и их соединений, микроорганизмов и других биологических организмов, представляющих опасность для здоровья нынешнего и будущих поколений.

Имеющиеся законодательные акты о качестве и безопасности пищевых продуктов не охватывают все аспекты проблемы обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов. Несовершенство законодательной базы, особенно в условиях демонополизации пищевой промышленности, увеличения объема поставок продовольственных товаров из-за рубежа, ослабление контроля за производством и реализацией продуктов питания, привело к ухудшению положения дел с безопасностью продовольствия.

Результаты мониторинга, осуществляемого органами государственного санитарно-эпидемиологического надзора Российской Федерации, свиде-

тельствуют о том, что за последние три года повысился уровень загрязненности продуктов питания токсичными химическими соединениями, биологическими агентами и микроорганизмами. В рационах питания граждан Российской Федерации наблюдается снижение квоты белка животного происхождения, повсеместный и глубокий дефицит ряда витаминов, некоторых минеральных веществ и микроэлементов. Серьезные недостатки в обеспечении качества пищевых продуктов приводят к возникновению массовых инфекционных заболеваний. Несмотря на то, что Постановлением Правительства РФ от 29.09.1997 N 1263 «Об утверждении Положения о проведении экспертизы некачественных и опасных продовольственного сырья и пищевых продуктов, их использовании и уничтожении» [4], регламентировано положение о предотвращении оборота на потребительском рынке Российской Федерации некачественных и опасных пищевых продуктов, отрицательно влияющих на здоровье человека. Анализ ситуации на потребительском рынке свидетельствует о резком росте числа субъектов, вовлеченных в незаконную предпринимательскую деятельность, связанную с противоправным производством и реализацией фальсифицированных пищевых продуктов в городах и других населенных пунктах. Все больший размах получает торговля продовольственными товарами в неустановленных местах, с нарушением санитарных и ветеринарных правил. Введение в Уголовный кодекс Российской Федерации нормы, предусматривающей ответственность за выпуск и продажу товаров, не отвечающих требованиям безопасности, не подкреплено законодательной базой, направленной на обеспечение механизма обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов.

Существенное значение для здоровья человека имеют ГМО - продукты. Каждый человек имеет право на здоровую пищу. Однако, в настоящее время рынок завален продуктами питания, но являются ли эти продукты по своему качеству достаточно полезными для организма человека и принесут ли они пользу здоровью. На практике дело обстоит по другому. В продажу поступают не качественные, не соответствующие нормам и стандартам продукты, и что особенно настораживает – это поступление ГМО – продуктов. В России давно потребляют ГМО – продукты, но как они усваиваются организмом и какой вред они наносят организму, пока никто не может сказать. Каждый гражданин имеет право на получение полной информации относительно тех компонентов, которые вошли в со-

став того или иного продукта питания. Однако, часто такая информация скрывается, производители на продуктах не указывают полный состав, что является нарушением закона и право каждого человека на информацию о тех компонентах продуктов питания, которые мы употребляем в пищу. Многие зарубежные страны проводят опыты на животных относительно влияния продуктов ГМО на их организм. Например, в Великобритании крыс кормили генетически модифицированными продуктами. В результате существенные изменения произошли: в желудочно-кишечном тракте, печени, зобе, селезенке, уменьшился объем мозга. Во Франции, Мексике, Японии установили прямую зависимость от потребления ГМО – продуктов, в результате которой произошло увеличение риска серьезных заболеваний крови, нервной системы. У медицины нет единого мнения по поводу предельно допустимых норм потребления генетически модифицированных продуктов. В Европе уже давно установлены допустимые нормы ГМО в продуктах питания – 0,9 %, в Японии – 5 %, США и Канаде – 10%.

Самое страшное, что трансгенный соевый белок используется в детском питании, в том числе в молочных смесях для самых маленьких. Поэтому появилось много детей, страдающих аллергией.

Пока мы употребляем в пищу ГМО – продукты в организме происходят необратимые процессы. Ведь в генетический код человека попадает чужеродный ген и как он поведет себя в процессе эволюции человека, никто не может объяснить.

Из всего этого следует, что в России наблюдается нарушение права граждан на охрану здоровья, право на здоровую пищу, права на получение полной информации о составе продуктов питания. По-

тому что право на охрану здоровья зависит от здорового, полноценного, безопасного питания. Ведь от этого зависит наше будущее – это наши дети.

Список литературы:

Нормативные правовые акты:

1. Федеральный закон от 07. 02. 1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» / «Российская газета», N 8, 16.01.1996
2. Федеральный закон от 02. 01. 2000 N 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» / «Российская газета» от 10 января 2000 г. N 5
3. Федеральный закон от 12.06.2008 N 88-ФЗ «Технический регламент на молоко и молочную продукцию» / «Российская газета» от 20 июня 2008 г. N 131
4. Постановлением Правительства РФ от 29.09.1997 N 1263 «Об утверждении Положения о проведении экспертизы некачественных и опасных продовольственного сырья и пищевых продуктов, их использовании и уничтожении» (с изм. от 5 июня 2013 г. N 476) / «Российская газета» от 9 октября 1997 г.
5. СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» и СП 2.3.6.1066-01 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации торговли и обороту в них продовольственного сырья и пищевых продуктов» / Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, N 31, ст. 3295.
6. Эффективная защита прав потребителей невозможна без активного участия самих потребителей / [Электронный ресурс] -Самозащита потребителей / <http://forum.samzpp.ru/>

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Нахова Елена Александровна

кандидат юридических наук,

Северо- Западный (город Санкт-Петербург) филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская правовая академия

Министерства юстиции Российской Федерации»

доцент кафедры предпринимательского права

город Санкт-Петербург

THE PROBLEMS OF APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CIVIL CASES WITH PARTICIPATION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Nakhova Elena Alexandrovna, candidate of legal Sciences, Northwest (Saint-Petersburg) branch of Federal state budgetary educational institution of higher professional education "Russian legal Academy of Ministry of justice of the Russian Federation", associate Professor of business law, St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье на примерах из судебной практики выявляются проблемы использования специальных познаний по гражданским делам с участием религиозных организаций и предлагаются пути их разрешения

ABSTRACT:

In the article the examples from judicial practice reveal the problems of the use of special knowledge in civil cases involving religious organizations and the ways of their resolution

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, споры с участием религиозных организаций, судебная экспертиза, специальные познания;

Key words: civil proceedings, disputes involving religious organizations, judicial expertise, special knowledge

Проблематике судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве посвящено достаточно много научных работ. Под экспертизой понимается сам процесс исследования фактических обстоятельств дела, основанный на научных методиках и разработках, на специальных познаниях, назначенных в определенном процессуальном порядке [18, с.197;27, с.126-17;20;21]. Понятие судебной экспертизы дается в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[2]. Судебной экспертизой признается процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, требующим специальных познаний в области науки, техники, искусства или ремесла, которые поставлены перед экспертом судом, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Наряду с использованием специальных познаний при проведении судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве различают еще не-

сколько форм использования специальных познаний: использование специальных знаний сведущих лиц – в форме получения консультаций, справок по специальным вопросам; использование специальных познаний в форме результатов несудебных проверок, ведомственных проверок, аудиторских проверок; использование специальных познаний сведущих лиц, привлекаемых в качестве специалистов для выражения мнения, проведения съемок, участия в осмотре[15, с.17]. Судебным доказательством, на что обращалось особое внимание в юридической литературе, является не экспертиза как способ исследования, извлечения и познания фактических обстоятельств, а заключение экспертов, сформулированное на основе экспертизы[16, с.9].

Как отмечалось в юридической литературе, закон, допуская возможность применения специальных познаний, не раскрывает этого понятия[19, с.5]. М. К. Треушников определяет специальные познания как такие знания, которые находятся за пределами правовых знаний, общеизвестных обобщений,

вытекающих из опыта людей. Не относятся к специальным познаниям знания, выработанные людьми на основе общеизвестных обобщений человеческого опыта, правил общежития, норм морали[26, с.251-252]. А. А. Эйсман указывает, что специальные познания не относятся к числу общеизвестных, общедоступных, имеющих массовое распространение, специальными познаниями профессионально владеет лишь узкий круг специалистов[28, с.91].

На основании ч. 2 ст. 6 Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "О свободе совести и о религиозных объединениях"[3] религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Проблематике исследования правового статуса религиозных организаций, в том числе и процессуально-правового статуса, посвящены немало научно-практических исследований, многие выводы работ являются дискуссионными[10-14;17;22;24;25]. В общем, проблематика сводится к следующим аспектам: - проблематика проведения государственной религиозно-экспертной экспертизы при регистрации религиозной организации: проблемы правового регулирования государственной религиозно-экспертной экспертизы, требования, предъявляемые к кандидатуре эксперта; - проблемы судебной практики в связи с применением норм о принудительной ликвидации религиозных организаций; - проблемы функционирования религиозных групп; - проблемы цензуры; - проблемы пробельности правового регулирования правового статуса религиозных организаций; - проблематика использования специальных познаний при рассмотрении споров с участием религиозных организаций и другие. Данные проблемы, прежде всего, вызваны отсутствием эффективного законодательства о религиозных организациях.

К самой распространенной категорией споров с участием религиозных организаций можно отнести споры о ликвидации и запрете деятельности религиозной организации. Также встречаются и иные категории споров с участием религиозных организаций, отличающиеся своей уникальностью для российской судебной практики[9]. При рассмотрении споров с участием религиозных организаций в гражданском судопроизводстве наиболее распространены комплексные экспертизы. На основании ст. 82 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)[1] комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в

пределах одной области знания. Комплексная экспертиза необходима, если без обогащения знаний одного эксперта знаниями других специалистов нельзя дать правильные ответы на вопросы суда[16, с.9].

С учетом обобщения судебной практики можно выделить следующие виды экспертиз: - *комплексная психолого-религиоведческая экспертиза*. В данном случае предметом исследования суда является религиозная практика религиозной организации (Устав религиозной организации, ее вероучение, методическая литература, видеозаписи богослужения) и воздействие ее на личность, права и свободы граждан, их здоровье, в том числе психическое здоровье[4]. - *психолого-психиатрическая экспертиза*. В указанном случае предметом исследования суда является воздействие форм религиозной деятельности на психическое здоровье человека, причинение ущерба нравственности, склонение к самоубийству или отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии, и др.[5]. - *психолого-лингвистическо-религиоведческая, культурологическая экспертизы* - предметом исследования суда является психологические факторы, конкретные лозунги, возбуждающие ненависть и вражду между людьми по признаку религиозной принадлежности[6]. - *государственная религиоведческая экспертиза* - в качестве предмета исследования суда рассматриваются, например, исследование типа организации указанной религиозной группы, ее вероучения, соответствующей ему практике, истории деятельности и других особенностей[8]. - *судебно-психологическая экспертиза* - в качестве предмета исследования суда изучаются особенности восприятия человеком отдельных символов, используемых в деятельности религиозных организаций, например, в восприятии и сознании миллионов людей нашей страны зафиксировалась устойчивая связь свастического знака креста с идеологией национал-социализма и интервенции фашистской Германии, направленной на порабощение других народов[8].

Подробнее хотелось бы остановиться на следующем беспрецедентном примере из судебной практики. Так, Суздальским районным судом Владимирской области было рассмотрено дело по иску Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом во Владимирской области к Централизованной религиозной организации - Российская Православная Автономная Церковь, Централизованной

религиозной организации Суздальская епархия Российской Православной Автономной Церкви, Местной православной религиозной организации Приход Цареконстантиновского собора и Скорбященского храма Суздальской епархии Российской Православной Автономной Церкви, Гинеевскому В. А. об истребовании имущества из чужого незаконного владения, в качестве предмета виндикации указываются мощи православных Святых - "костные останки (мощи) преподобной Евфросинии Суздальской", "костные останки (мощи) преподобного Евфимия Суздальского"[9]. Суть спора сводится к тому, что территориальный орган Росимущества истребует мощи Святых у религиозной организации как имущество, относящееся к федеральной собственности, являющееся культурной ценностью. За рамками настоящего исследования остаются рассуждения о беспредметности указанного иска, а также о том, что костные останки Святых вряд ли могут рассматриваться как имущество. Для правильного разрешения указанного спора необходимо наличие специальных познаний, а именно, назначения комплексной религиоведческой - культурологической экспертизы. Только заключение указанной экспертизы может указать на индивидуально-определенные признаки костных останков (мощей), а также решить вопрос об их отнесении объектов к культурным ценностям религиозного характера. Представителями ответчиков было заявлено ходатайство о назначении религиоведческой экспертизы. Однако, представителям ответчиков было отказано у удовлетворении указанного ходатайства на основании формулировки вопросов на экспертизу как вопросов общего характера[29]. Представляется, что отказ суда в удовлетворении ходатайства не основан на законе, поскольку на основании ч. 2 ст.79 ГПК РФ каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать. Таким образом, предоставление вопросов для эксперта, является правом, а не обязанностью стороны, а суд обязан сформулировать окончательный круг вопросов для проведения экспертизы.

На практике такие ситуации не редкость, когда факт, устанавливаемый заключением эксперта, имеет существенное значение для разрешения дела, и при этом суд отказывает в проведении соответствующей экспертизы. В литературе высказана

точка зрения, которая заслуживает поддержки, о законодательном закреплении права сторон на проведение альтернативной экспертизы в случае отклонения ходатайства стороны о назначении экспертизы, проведения повторной экспертизы. Заключение эксперта в этом случае также подлежало бы исследованию и оценке наряду со всеми иными доказательствами по делу[23, с.295-296].

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. N 220. 20.11.2002.
2. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"// Российская газета. N 106. 05.06.2001; Российская газета. N 148. 10.07.2013.
3. Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "О свободе совести и о религиозных объединениях"// Российская газета. N 190. 01.10.1997; Российская газета. N 148. 10.07.2013.
4. Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2012 N 58-АПГ12-9//URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=318323>. Дата обращения. 20.09.2014.
5. Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2012 N 58-АПГ12-9//URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=318323>.-дата обращения. 20.09.2014.
6. Определение Верховного Суда РФ от 19.06.2013 N 67-АПГ13-7// URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=347010>.-дата обращения. 20.09.2014.
7. Определение Ленинградского областного суда от 10 мая 2012 г. N 33а-1797/2012// URL: <http://судебныерешения.пф /bsr/case/1359587>.-дата обращения. 20.09.2014.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. N 18-Г07-1 // URL: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=5125&.-дата обращения. 20.09.2014.
9. Дело по иску Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом во Владимирской

- области к Централизованной религиозной организации - Российская Православная Автономная Церковь, Централизованной религиозной организации Суздальская епархия Российской Православной Автономной Церкви, Местной православной религиозной организации Приход Цареконстантиновского собора и Скорбященского храма Суздальской епархии Российской Православной Автономной Церкви, Гинеевскому В. А. об истребовании имущества из чужого незаконного владения, в качестве предмета виндикации указываются мощи православных Святых - "костные останки (мощи) преподобной Евфросинии Суздальской", "костные останки (мощи) преподобного Евфимия Суздальского" // URL: http://suzdalsky.wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12529875&delo_id=1540005&text_number=1 .-дата обращения. 20.09.2014.
10. Бабарыкина О.В., Рабочев Г.Б. Ограничения гражданских процессуальных прав религиозных субъектов // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 9. С. С. 6 – 10; № 10. С. С. 9 – 12.
11. Баев В.Г., Крисанов И.А. Государственно-конфессиональные отношения в зеркале современной отечественной юридической литературы // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. N 4. С. 6 – 11.
12. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. М.: Институт свободы совести, 2004.
13. Воронцов П.М. О правоспособности религиозных объединений // Журнал российского права. 2011. N 6. С. 22 – 27.
14. Губин М.Ю. Незаконные и традиционные религиозные объединения по законодательству Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. N 6. С. 71 – 78.
15. Давтян А. Г. Экспертиза в гражданском процессе. М., 1995. С. 17.
16. Жуков Ю. М. Судебная экспертиза в советском гражданском процессе. М., 1965. С. 9.
17. Загребина И.В. Принудительная ликвидация религиозных организаций / под ред. А.В. Пчелинцева. М.: Юриспруденция, 2013. 112 с.
18. Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954. С. 197.
19. Лилуашвили Т. А. Применение специальных познаний в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 5.
20. Мохов А. А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15: СПб., 2005.
21. Мохов А.А., Филиппов П.М. Использование специальных знаний в судопроизводстве России / Под ред.: Авдеенко Н.И. Волгоград, 2003.
22. Пчелинцев А.В. Какой должна быть государственная религиоведческая экспертиза // Российская юстиция. 2009. N 3. С. 47 – 50.
23. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997. С. 295-296.
24. Султанов А.Р. Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений // Адвокат. 2012. N 7. С. 58 – 68.
25. Терехов О.Н. Проблемы развития конституционно-правового статуса религиозных объединений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
26. Треушников М. К. Судебные доказательства. 2000. С. 251-252.
27. Треушников М. К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М., 1982. С. 126-127.
28. Эйсман А. А. Заключение эксперта. М., 1967. С. 91.
29. Фрагмент заседания Суздальского районного суда Владимирской области от 23.10.2013 по делу 2-974/2013 по иску Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом во Владимирской области к Централизованной религиозной организации - Российская Православная Автономная Церковь, Централизованной религиозной организации Суздальская епархия Российской Православной Автономной Церкви, Местной православной религиозной организации Приход Цареконстантиновского собора и Скорбященского храма Суздальской епархии Российской Православной Автономной Церкви, Гинеевскому В. А. об истребовании имущества из чужого незаконного владения// URL: <http://www.portal-credo.ru/site/>?. Дата обращения. 20.09.2014.

ISSN 2365-6091

Международный фонд правовых исследований

«Аспекты права»

Ежемесячный научный журнал

№ 2 / 2014

Редактор — д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич
Ученый секретарь — д.ю.н. Пигалова Елена Викторовна

Бушков Дмитрий Романович
Костюк Александр Валерьевич
Мартынов Константин Андреевич
Минчук Денис Геннадьевич
Миролимжонов Мирсаид Мирзохид угли
Терехина Ирина Юрьевна
Тотрашвили Давид Ивериевич
Тукфатуллина Мадина Фаритовна
Тян Вероника Сергеевна
Хакимов Артем Сергеевич
Черкасова Мария Викторовна

Ответственный редактор

д.ю.н. Милютин Эдуард Сергеевич

Художник: Бахрушева Антонина Васильевна

Верстка: Семенко Антон Владимирович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: почтовый индекс 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13

Адрес электронной почты: info@aspect-law.ru

Адрес веб-сайта: <http://aspect-law.ru/>

Учредитель и издатель: Международный фонд правовых исследований «Аспекты права»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 115432, Россия, г. Москва, улица Трофимова, 26, 13